

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**УРГЕНЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АЛЬ-ХОРЕЗМИ**

На правах рукописи

УДК: 81' 374

ИСМАГИЛОВА МАДИНА ФАРИДОВНА

**ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В ТЕКСТОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА**

5А120102 – Лингвистика (русский язык)

**Диссертация на соискание
академической степени магистра**

**Научный руководитель: к.ф.н., доц.
Артыкова Г.Ш.**

Ургенч – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Теоретический аспект изучения эмотивности языка в текстовом пространстве	10
1.1. Вопросы взаимоотношения эмоций и языка в лингвистической литературе В.Гумбольдта, А.Шлейхера, В.Вундта, А.А.Потебни.....	10
1.2. Понятие поэтического текста	16
1.3. Вопрос денотации и коннотации в лексической семантике	22
Вывод по I главе	33
Глава II. Общая характеристика эмоционально - оценочной лексики.....	35
2.1. Общее понятие об эмоциях	35
2.2. Классификация эмоций	40
2.3. «Эмоциональность» и «оценочность» в соотношении друг с другом.....	46
Вывод по II главе.....	60
Глава III. Средства создания экспрессивности в русской поэзии XX века.....	62
3.1. Метафора как средство создания экспрессии в поэтическом тексте.....	62
3.2. Метонимические переносы в текстовом пространстве русской поэзии XX века.....	70
3.3. Использование лексических антонимов в поэтическом тексте XX века.....	75
Вывод по III главе.....	82
Заключение	84
Библиография.....	88

ВВЕДЕНИЕ

С обретением независимости Президент Республики Узбекистан особое внимание уделяет проблеме подготовки высококвалифицированных кадров, способных к творческому мышлению, обладающих высокой идейной сознательностью. «Основным условием достижения намеченных нами высоких рубежей, отвечая при этом вызовам времени, является воспитание всесторонне развитого молодого поколения»,¹ – отмечал в этой связи президент И.А.Каримов. Большая роль в данном процессе принадлежит высшим учебным заведениям, призванным вооружить подрастающее поколение прочными знаниями по всем отраслям науки. Человек, получивший достойное образование, никогда не будет плыть по течению жизни, он способен достичь многого благодаря собственным знаниям. Ключом к этим знаниям являются языки. Естественно, чтобы получить доступ к достижению мирового интеллектуального потенциала, каждый человек должен свободно владеть не только своим родным языком, но и иностранным, в число которых входит и русский язык, отличающийся богатством и эмоциональностью.

Эмоции многочисленны и разнообразны. Для изучения эмоционального мира человека исследователь обращается к разным человеческим наукам: психологии, социологии, лингвистике и философии. Многофункциональность языка не новость для лингвиста: язык - средство передачи информации, но также он способен выразить внутренний мир человека. Чувство, свойственное каждому живому существу само по себе не является феноменом языка, но, тем не менее, изучив язык говорящего, мы приблизимся к пониманию человеческих эмоций. Существуют различные теоретические платформы, которые позволяют комплексно изучить моделирование языка в тесной объективно существующей

¹ Каримов И.А. Гармонично развитое поколение – основа прогресса Узбекистана. -Т.: Шарк, 1997. - С.17.

взаимосвязи с другими сопредельными науками о человеке. Сложность и многоаспектность языкового феномена является характерной чертой современной лингвистики.

Способность языка выражать человеческие эмоции интересовала многих лингвистов: В.Н.Телия, И.А.Стернина, Н.А.Лукьянову, В.И.Шаховского, Л.А.Киселеву, В.К.Харченко, Л.Г.Бабенко, В.Г.Гака, М.В.Туницкую, Н.Н.Кузнецова, Н.А.Николину и других. Это связано с отсутствием четкого определения эмоций и форм их классификации, с проблемой выражения эмоций в различных языках (решение этой проблемы особенно важно при изучении иностранных языков).

Эмоции (радость, страх, гнев, удивление, переживание, несчастье и др.) имеют ряд специфических природных особенностей:

- 1) их проявления в форме лексических единиц в речи;
- 2) обладают регулярностью и частотностью использования;
- 3) их отсутствие затрудняет восприятие языка-символа, способствующего для передачи эмоционального состояния человека;
- 4) выделяются в речи.

Актуальность исследования определяется необходимостью дальнейшей разработки принципов функциональной грамматики «от функций к средствам» и «от средств к функциям», целесообразностью осуществления коммуникативно-прагматического подхода к языковым явлениям в исследовании лингвистической категории эмоционально-оценочной лексики.

Цель работы - исследовать и описать эмоционально-оценочную лексику в поэзии Б.Пастернака, М.Цветаевой, А.Блока, А.Ахматовой, а также выявить значимость изучаемого фрагмента лексической системы языка в функционально-семантическом аспекте, определить специфику когнитивно-прагматического языкового знака, знаний о человеке, эмоционально и оценочно интерпретирующих действительность.

Для достижения цели поставлен целый ряд конкретных **задач**:

- описать и уточнить теоретическую базу исследования, для чего необходимо рассмотреть категории эмоциональности, оценочности, а также коннотацию, денотацию как компоненты эмоциональной оценки, представить классификацию эмоционально-оценочной лексики, проанализировать спорные, дискуссионные вопросы относительно лингвистических категорий «оценки» и «эмоциональности»;

- проанализировать семантические группы эмоционально-оценочных языковых единиц в текстовом поле поэта;

- выявить особенности функционирования эмоционально-оценочной лексики в поэтических произведениях: Б.Пастернака, М.Цветаевой, А.Блока, А.Ахматовой. На основе изученной лексики проанализировать отношение самого поэта к некоторым явлениям действительности, взаимоотношений людей, их поведение, выявить индивидуально-авторские особенности языковой личности поэта.

В последние годы в связи с разработкой когнитивного направления современной лингвистики усилилось внимание исследователей к поэтической картине мира. И.А. Тарасова трактует ее как «художественную модель мира»,¹ а Л.О.Бутакова определяет как «эстетически и коммуникативно-значимое субъективно-объективное отображение динамической системы представлений, знаний и мнений об окружающей действительности в специфической форме художественного текста».²

В коммуникативной стилистике текста поэтическую картину мира трактуют как «эстетическое отражение в текстовой деятельности концептосферы автора, как систему художественных концептов, вербализованных в тексте и творчестве писателя в целом».³

¹Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. -Саратов, 2003. -С.87.

²Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование. Барнаул, 2001.-С.116.

³Болотнова Н.С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста // Сибирский филологический журнал.2003. № 3–4. -С. 205.

Художественный концепт в качестве единицы поэтической картины мира у разных авторов трактуется по-разному. К примеру, Л.В.Миллер под художественным концептом понимает «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и (в качестве интенциональной составляющей эстетического опыта) психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов».¹ Важно, что художественные концепты являются единицами поэтической картины мира автора, получающими образное воплощение в его текстовой деятельности. Ученые (З.Д.Попова, И.А.Стернин, В.А.Пищальникова, Н.Ф.Алефиренко и др.) выделяют разные слои концепта: понятийный, предметный (предметно-чувственное представление), образно-ассоциативный, эмоциональный и оценочный (интерпретационное поле концепта).

Предметом исследования являются лексические единицы, служащие для выражения эмоционально-оценочного состояния человека. Они обозначают различного рода эмоции, служат для выражения эмоций и эмоциональной оценки говорящего.

Интерес к эмоциям побудил нас обратиться к анализу художественной литературы представителей русской поэзии XX века.

Исследование указанных единиц опирается на наличие разработанной, стройной и обоснованной общей теории эмоций человека. Эмоционально окрашенное событие не только оставляет неизгладимый след в памяти человека, но, став воспоминанием, неизменно вызывает сильнейшую эмоциональную реакцию каждый раз, когда какая-либо ассоциация напомнит о пережитом ранее потрясении. Придерживаясь этой

¹Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. -С. 41–42.

аксиомы, мы взяли в качестве примера только тот поэтический текст, который наиболее связан с сильными эмоциональными переживаниями.

Объектом данного исследования является текст русской поэзии XX века, в котором имеются средства, выражающие эмоции.

Научная новизна исследования заключается в том, что примеры языковых средств выражения эмоционально-оценочной лексики извлечены нами из поэтического текста русской литературы XX века и в обоснованной интерпретации впервые предлагается их лексический анализ.

Источники и материал исследования. Анализу подвергнуты поэтические произведения: Б.Пастернака, М.Цветаевой, А.Блока, А.Ахматовой. На основе проведенного анализа составлена картотека материала исследования более двух тысяч текстовых фрагментов, содержащих эмоционально-оценочную лексику. Это должно обеспечить достоверность положений и выводов диссертации.

Цель и задачи определяют **методологические основы** исследования, **методы**, применяемые в нем, и конкретную **методику** изучения материала.

Методологической базой работы являются философский постулат о единстве языка и мышления, анализ языковых средств в их системных отношениях: тождество - различие, семантика-синтагматика - парадигматика, синхрония – диахрония; исследование опирается на единство семантико-стилистического анализа, прагматической и синтагматической реализации языковых средств и коммуникативно-функциональной значимости языкового потенциала, связь между семантикой, стилистикой, средствами разных языковых уровней, реализуемую в рамках поэтического текста.

В качестве ведущих **методов** используются:

- анализ теоретического материала;
- описательный;

- элементы компонентного анализа;
- системно-типологический, в рамках которого применяются приемы наблюдения и сопоставления;
- структурно-семантический и функционально-семантический анализ;
- трансформация и лингвистическое моделирование.

Используется также метод статистической обработки данных, что обеспечивает наиболее точные и объективные результаты. Методика анализа лексических конструкций характеризуется движением от формы к содержанию и от содержания к форме в зависимости от аспекта исследования. Методы и приемы анализа применялись комплексно.

Теоретической базой для диссертационной работы послужили положения ряда трудов лингвистов: В.К.Харченко, Э.В.Кузнецовой, Д.Н.Шмелёва, Н.Н.Кузнецова.

Теоретическая значимость исследованного нами материала заключается в том, что он позволяет расширить представление о функционировании эмоционально-оценочных лексических единиц. Эмоционально-оценочная лексика рассматривается с позиции индивидуально-авторского толкования в текстовом пространстве ее единиц.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее материалов и результатов анализа, представленного в ней, в практике преподавания современного русского языка, при чтении курсов лекций по стилистике, проведении практических занятий, а также в разработке спецкурса по лингвистическому анализу поэтического текста, при решении некоторых вопросов, касающихся стилистики текста, литературного краеведения.

Структура диссертационной работы определяется реализацией поставленных в ней цели и задач, доказательством выносимых на защиту положений, отражающих логику анализа исследуемого материала. Она

состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Апробация исследования. Основные положения работы были представлены для обсуждения на Университетских чтениях УрГУ, 2012, 2013, 2014 гг., на межрегиональных научно-практических конференциях молодых ученых и студентов «XXI аср – интеллектуал авлод асри». Результаты исследования отражены в 6 публикациях, 2 из которых вышли в свет в журналах, рекомендованных ВАК.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ ЯЗЫКА В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

1.1. Вопросы взаимоотношения эмоций и языка в лингвистической литературе В.Гумбольдта, А.Шлейхера, В.Вундта, А.А.Потебни

Развитие эмоционально-оценочной лексики особенно актуально как для исследователей в области психолингвистики, так и для лингвистов при разработке теоретических направлений по вопросам семантики, прагматики и грамматики, которые не могут быть полными без учета эмоционального фактора. Это позволит взглянуть по-новому на накопленный веками лексический материал и подвергнуть его более тщательному анализу в свете новых лингвистических тенденций, особенно таких, как философия, социолингвистика, психолингвистика, прагматическая лингвистика и теория дискурса.

По выражению Э.Кассирера, после такого анализа от свойственного человеческому опыту «первоначального конкретного концептуального и эмоционального содержания, от его живого тела остается лишь скелет». Лингвистика, поставившая в центр своих научных интересов личность человека, в качестве основного исследовательского принципа использует положение о том, что научные объекты должны изучаться прежде всего по их роли для человека, по их назначению в их жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и её совершенствования. Многие исследователи отмечают, что эмоциональный фактор влияет на изучение языка, это один из наиболее сложных и спорных вопросов.

Считается, что споры, связанные с возможностью отражения эмоционального в языке имеют свою историю. Этому вопросу посвящены риторические учения античных философов, он затрагивается в трудах В.фон Гумбольдта, И.Гердера, А.Шлегеля, А.Шлейхера, А.А.Потебни, В.Вундта, Г.Штейнталя, в работах сторонников эстетики «эмотивизма», в исследованиях В.В.Виноградова. Философское осмысление языка

основывалось на создании общей теории языка, прежде всего на уяснении природы языка и его отношения к мышлению, а также на разработку основных принципов эволюционной теории языка. Особое место среди них занимают взгляды видного немецкого ученого, филолога В.Гумбольдта. Круг его лингвистических интересов был широк. Концепция В.Гумбольдта знаменует собой качественно новый этап в истории развития исследовательской мысли. Искусство и наука – это, прежде всего, виды человеческой деятельности, они приобретают свою реальность через посредство языка – этой специфически человеческой деятельности. Это и послужило основой для теории языка «как произведения, развивающего человеческую духовную силу» и «как явление человеческого общества», а также теории искусства и науки как явлений человеческого сознания, развивающихся в языке и через язык.

По В.Гумбольдту, язык есть деятельность духа, мышления. Ни язык, ни мышление не могут рассматриваться как первичное.

Нельзя не принять во внимание идеи В.Гумбольдта относительно природы языка, утверждавшего, что создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества. Он не только внешнее средство общения людей в обществе, но и заложен в природе самих людей и необходим для развития их духовных сил и образования мировоззрения, которое человек только тогда может достичь, когда своё мышление ясно и четко ставит в связь с общественным мышлением.

Во всех работах В.Гумбольдта наблюдается то, что лингвистические положения получают нередко психологическое осмысление. Психологизм, по В.Гумбольдту, это психологизм универсального плана, психологизм, основывающийся на концепции общечеловеческого разума, мышления. Вместе с тем имеются положения, обнаруживающие индивидуально-психологический подход к истолкованию явлений языка, учет фактора человеческой личности, индивидуальной психики.

Мы считаем, что идеи В.Гумбольдта, высказанные в различных областях теоретического языкознания, оказали сильнейшее воздействие на формирование лингвистических воззрений языковедов, выявили подходы к решению проблемы о соотношении рационального и эмоционального в языке и речи.

Это обусловлено тем, что эмоции отражаются в сознании человека и определяют особенность его коммуникативного поведения, а язык в силу своей актуальности, технологичности и универсальности лингвистического подхода привел к своеобразному изучению его в аспекте психологии. Эмоции непосредственно связаны с мыслительной деятельностью человека. Эмоции – это одна из форм познания, которая признана многими представителями разных наук: психологами, философами, социологами, лингвистами и другими.

Языки, иначе – «языковые организмы», по А.Шлейхеру, возникли естественным путем, независимо от человеческой воли, они есть дело рук человеческих. Поэтому А.Шлейхер называет их естественными организмами, естественными телами. Именно это роднит все языки с другими порождениями природы.

По В.Вундту, язык – деятельность духа, с другой стороны, и деятельность тела, а именно органов речи – с другой. Иначе говоря, язык – это психофизическая деятельность человека. Язык определяется как выражение мыслей, чувств и желаний с помощью членораздельных звуков.

Считается, что, с одной стороны, эмоции подчинены жестко определяющим причинам, тогда как мышление протекает свободно, независимо от трудностей решения фундаментальных языковедческих задач, а с другой - являются следствием отсутствия единой психологической концепции эмоций, на которой бы базировались лингвистические исследования эмотивности.

Идеи В.Вундта были благожелательно встречены языковедами XX века. Среди них был А.А.Потебня, который интересовался проблемой

соотношения языка и мышления. В своей работе «Мысль и язык» он ставит перед собой задачу проследить механизм объективирования чувственных данных индивидуальной психической жизни как процесса последовательных форм человеческого познания. В рамках той общей схемы он строит теорию поэзии, прозы, искусства и науки. Речь идет о разработке проблем психологии художественного и научного мышления.

Основы этой теории были заложены еще ранее В.Гумбольдтом, разрабатывал и развивал ее по-своему Г.Штейнталь. Язык для Г.Штейнталья воплощает в себе своеобразное мышление, развивающееся по своим особым законам. Но, однако же, четкое обоснование и построение этой теории принадлежит А.Потебне.

Развитие языка обусловлено развитием индивидуального человеческого мышления, как утверждает лингвистический психологизм.

Согласно А. Потебне, язык есть средство не выражения уже готовой мысли, а создание ее. Именно поэтому А.Потебня стал рассматривать язык «как основной способ мышления и познания», «как творческую деятельность организующую мысль».¹

Строго придерживаясь концепции языка, А.Потебня описывает процесс образования слов как процесс создания представлений, который управляется психическими законами ассимиляции, апперцепции и ассоциации.

Мысль человека по содержанию, как считает А.Потебня, есть или образ, или понятие. Средством развития мысли, средством преобразования образа в понятие служит только слово.

При создании слова, а равно и в процессе речи и понимания, полученное впечатление подвергается новым изменениям, как бы вторично воспринимается. Это вторичное восприятие А.Потебня называет апперцепцией.

¹ Потебня А.А. Из записок по теории словесности. - Харьков, 1905.-С.27.

Апперцепция, согласно его взглядам, наблюдается повсюду, где данное восприятие объясняется наличием запасов других восприятий, и соответственно «апперцепция есть участие сильнейших представлений в создании новых мыслей».¹

А.Потебня, основываясь на трудах и положениях теории В.Гумбольдта, выдвигает свою форму понимания природы слова, назвав его «внутренней формой». В слове, согласно этому пониманию, есть два содержания – субъективное и объективное. Значение (или содержание), заключающее в себе только один признак – объективное содержание, или как иначе назвал его А.Потебня, ближайшим этимологическим значением слова. Содержание, в котором множество признаков – субъективное.

Среди всех произведений искусства А.Потебня уделяет особое внимание поэтическим произведениям. Поэтическое произведение, утверждает А.Потебня, по существу аналогично слову. Если слово служит средством для общения мысли, то только потому, что благодаря ему (слову) у слушающего возникает процесс создания мысли, подобной тому, какой происходил ранее в говорящем (поэте). Аналогично этому «поэтическое произведение, будучи таким объективированием мысли, как слово, также прежде всего нужно не для слушателей, не для публики, а для самого поэта. Он есть создание мысли, в смысле преобразования запаса мысли, который был до этого создания».²

Следует помнить, что теория художественного слова основывается на том, что «искусство - язык художника, и с помощью него нельзя передать другую свою мысль, а можно только пробудить в нем собственную; поэтому содержание развивается не в художнике, а в понимающем». Философия языка возникает скорее не как строго

¹ Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. - М., 1975. -С. 96.

² Там же, - С. 398.

лингвистическое в собственном смысле слова, а как философско-психологическое кредо: «язык является началом и основной движущей силой поэзии и науки, мифы – религии, а обычаи – нравственных принципов».

Знакомство с трудами ученых В.Гумбольдта, А.Шлейхера, В.Вундта, А.А.Потебни, позволило нам сделать следующие выводы:

1. Язык есть деятельность человеческого духа и мышления. Его возникновение связано с внутренней потребностью человека.
2. Язык - это психофизическая деятельность человека, с помощью которого он выражает мысли, чувства, желания.
3. Язык – продукт человеческого мышления.
4. Язык – движущая сила поэзии науки.

1.2. Понятие поэтического языка

Поэтический язык – это прежде всего язык, употребляемый в поэтических произведениях. В его понимании представляется особый стиль речи, который не учитывает только внутреннее качество, не только особую функцию, в сравнении с его функцией как средства обычного социального общения, а учитывает в основном ее особую традицию языкового употребления. Как и в языке науки есть принятые и не принятые слова, формы, обороты речи, так и в поэтическом языке есть формы, слова, обороты речи, которые принято или не принято употреблять в поэтических произведениях. История изменения состава языковых средств – это и есть история изменения поэтического языка. Поэтический язык имеет свою историю, своих критиков, которые борются с шаблонными поэтическими выражениями вроде «златая беспечность», «милая нега» и другие. Критику или восхищение подобного вида можно пронаблюдать в течение всей истории развития языка.

Белинский Виссарион Григорьевич иронизировал над А.Григорьевым (рецензия на «Стихотворения Аполлона Григорьева» 1846), который пишет «зане» вместо «ибо» или «потому что». В настоящее время было бы странным, если бы кто-нибудь, наоборот, не в стихах, а в обыкновенном разговоре сказал лошажья, как у В. Маяковского, вместо лошадиная или отсутствуют прямые ограничения на характеристику субъекта по одушевленности—неодушевленности в предложениях с деепричастными оборотами, например: *Стройную мощь выкрутив в жгу / — Мой это бьет — красный лоскут!* (М.Цветаева, 1921). В этом отрывке неодушевленному субъекту обычно сообщается разными способами признак активности, роль усилителя выполняет местоимение мой. Примеров, где неодушевленный субъект выступает в чистом виде, очень немного, например: *Простотой своей тревожа — Королевской, / Солнце вечера — дорожке Песнопевцу* (1921). Шероховатость конструкции выступает на явь:

поскольку активность субъекта, исходящая из деепричастного оборота, противоположна его представлению как пассивного в главном предикате.

Особо следует остановиться на случаях необычных авторских написаний. Известно, что В.Вяземский отстаивал свое право на орфографические ошибки как на выражение своей личности в тексте. Блок тоже придерживался этого права и настаивал на написании "жолтый", отличая его от "жёлтый": *Они войдут и разбредутся, / Навалят на спины кули. / И в жолтых окнах засмеются, / Что этих нищих провели* (С.41).

Особое различие между общим обиходным языком образованной среды и поэтическим стилем речи вообще не обязательно, а в известных условиях оно может и отсутствовать. Конечно, просторечия встречаются не так часто, как у других поэтов, например у А.С.Пушкина, С.Есенина, но эти разговорно-просторечные элементы нельзя оставить в стороне. Речь идёт о следующем примере из лирики поэтессы А.Ахматовой: *Сжала руки под тёмной вуалью... / «Отчего ты сегодня бледна?..» / - Оттого что я терпкой печалью / Напоила его допьяна.* Слово «печаль» в данном контексте употреблено в переносном значении и имеет помету устар., прост. «то же, что забота».

В.Маяковский в своем выступлении приветствовал А.П.Чехова за то, что тот внес в литературу «грубые имена грубых вещей» и вместо «аккордов» и «серебристых далей» заговорил словами «определенными, как здравствуйте, простыми, как дайте стакан чаю». Это в первую очередь отражает историю общественных языковых вкусов, социальную психологию языка. Как видно уже из нескольких приведенных примеров, чуть ли не решающее значение имеет история самой по себе поэтической темы: поэтичность или антипоэтичность языка в очень большой степени сводится к вопросу о том, о каких предметах считается невозможным или возможным писать в поэтическом произведении.

С одной стороны, язык, употребляемый в поэтических произведениях, может представляться связанным с поэзией не одной только внешней

традицией словоупотребления, но и внутренними своими качествами, как язык, действительно соответствующий изображаемому поэтическому миру, выражаемому поэтическому настроению. Исходя из этого, язык поэзии должен пониматься нами как язык сам по себе поэтический, а уже речь будет идти о поэтичности как об особом экспрессивном качестве языка.

Иначе говоря, поэтичность языка не что иное, как особого рода традиция. При определенных условиях «поэтичность» может легко менять свое фактическое языковое содержание или же вообще становится смешным шаблоном, с которым в поэзии борются так же, как борются, например, с «театральностью» в истории театральной культуры.

К тому же есть и еще одно - гораздо более важное значение, принадлежащее выражению «поэтический язык». Мы обращаемся к нему тогда, когда отношение между поэзией и языком мыслится не как связь того или иного рода, - экспрессивная или традиционная, - а как законное тождество, так что язык и есть сам по себе поэзия. Здесь уже возникает вопрос об особой, поэтической функции языка, которая не совпадает с функцией языка как средства обычного общения, а представляется ее своеобразным обосложнением.

Поэтический язык называют образным языком. Художественное слово образно не только тогда, когда оно должно быть непременно метафорично. Можно привести очень много неметафорических поэтических слов, выражений, сочетаний и даже целых произведений. Смысл художественного слова никогда не замыкается в его буквальном смысле. «Неправильная» сочетаемость может стать основой образного выражения, где в таких случаях встаёт вопрос об удачности или неудачности приёма, его уместности. При оценке выразительности следует помнить, что назвать чувство, состояние, качества характера героя и т.д. — не то же, что выразить или изобразить. Выразительными средствами далеко не всегда будут слова, связанные с эмоциональной сферой: это

могут быть предметные существительные, выполняющие роль психологической детали: *Так беспомощно грудь холодела,/ Но шаги мои были легки./ Я на правую руку надела/ Перчатку с левой руки* (А.Ахматова «Песня последней встречи»).

Основная особенность поэтического языка как особой языковой функции заключается в том, что это «более широкое» или «более далекое» содержание, которое не имеет своей собственной отдельной звуковой формы, а пользуется вместо нее формой другого, буквально понимаемого содержания. Таким образом, формой служит содержание, выражающееся в звуковой форме и служащей формой другого содержания, не имеющего особого звукового выражения. Отсюда следует, что такую форму принято называть внутренней.

Имеются разные точки зрения на учения о языке как его внутренней формы, такое учение предполагает не только поэтический язык, но и в целом весь язык. Это связано с тем, что искусство можно объяснить по аналогии с языком, а ту особую функцию языка «поэтическую» мы объясним по аналогии языка с другими видами искусства. Правильное понимание этого вопроса было чуждо формалистам, отрицавшим внутреннюю форму. Но в то же время они полностью разобрали «язык практический» и «язык поэтический».¹ Среди них был и А.Потебня, который всякое слово считал поэтическим и потому превращал искусство в нечто как бы еще более реальное, чем сама реальная действительность.

Здесь уже возникает мысль, что поэтическое слово вырастает в реальном слове, как его особая функция, которая как и поэзия вырастает из окружающего нас мира реальности. Если взглянуть глубже, то можно предположить, что значение слова в поэзии раскрывает внутри себя все новые смыслы, как и расширяется в искусстве значение описываемого единичного эмпирического факта до степени того или иного обобщения.

¹Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. - М., 1959. - С. 388-393.

Рассмотрим стихотворение М.И.Цветаевой “Красной кистью...” (1916 г.), состоящее из 12 строчек. Биографичность в этом стихотворении становится моделированием лирического “Я”. Стихотворение относится к исповедальной лирике. Например, *Красною кистью / Рябина зажглась./ Падали листья, / Я родилась. / Спорили сотни / Колоколов. / День был субботний: / Иоанн Богослов./ Мне и доньне / Хочется грызть / Жаркой рябины / Горькую кисть.*

В поэтическом языке нет форм и слов немотивированных, с произвольно-условным, мертвым, пустым значением. Хотя в обычном языке есть слова, которые объяснимы через значение других слов с общей производной основой: певец - это тот, кто поет. Но это не говорит о том, что слово *петь* - это можно только истолковать, а собственно языковым путем объяснить невозможно: это слово с основой производной, первичной. В поэзии слово *петь* не изолировано, а входит в соответствующий смысловой ряд в зависимости от того образа, которому оно служит основанием. Слово «петь» может оказаться связанным со словами, выражающими радостное состояние духа («душа поет», «кровь поет» и т. п.), поэтическое вдохновение («муза поет»), игру на музыкальном инструменте («исступленно запели смычки» у А.Блока: *И сейчас же в ответ что-то грянули струны, / Исступлённо запели смычки.../ Но была ты со мной всем презрением юным, / Чуть заметным дрожаньем руки...* и т. д. Это может коснуться, конечно, и грамматических категорий. Слово, имеющее только множественное число, способно в поэзии, независимо от своего реального значения, быть носителем образа множественности, неодушевленное слово женского рода - носителем женского образа и т. д. В этом случае происходит разрыв между «техническим» и «живым» значением языковых фактов. В стихотворении М.Цветаевой “Рябину рубили...”, где лирическая героиня сравнивает рябину в конце стихотворения с поседевшей женщиной; в синтаксическом строе текста (неполных предложениях, бессоюзных конструкциях)

прорезаются горькие размышления о разрушенной и погубленной жизни. Мгновенность и коренной характер жизненных изменений подтверждают строки: *Рябина – горькая / Судьбина русская/ Рябина / – Седыми, спусками.../ Рябина! / Судьбина Русская.*

Чем значительнее сообщение художника, чем в большей мере оно обладает чертами открытия великой правды о мире и человеке, и чем, с другой стороны, острее потребность читателя постичь эту правду, тем сильнее эмоциональный отклик аудитории, тем очевиднее желанный эффект сопереживания.

Содержание произведения невозможно исчерпать критическим анализом, изложить в системе понятий. Великие произведения литературы истолковываются, комментируются, объясняются на протяжении веков и, тем не менее, остаются неисчерпаемыми, давая пищу для размышлений и переживаний все новым и новым поколениям. Продолжительность жизни великих произведений, из которых каждое поколение черпает свой ряд впечатлений, которое свидетельствует о том, что литература отнюдь не средство кодирования эмоций, заложенных автором в свое произведение. Эмоции сегодняшнего читателя в той или иной мере сходны и различны по сравнению с эмоциями читателей предшествующих эпох, как сходны и различны потребности этих читателей, удовлетворяемые информацией, содержащейся в данном произведении.

1.3. Вопрос денотации и коннотации в лексической семантике

Область лексических средств, выражающих эмоциональное состояние, различна, индивидуальна и произвольна. В лексическом составе русского языка можно выделить ряд слов, специфика которых определяется тем, что в структуре словарного состава языка есть одно противопоставление: основному фонду лексики, которая может употребляться в любых условиях общения, выполняя при этом преимущественно номинативную функцию, противопоставлен довольно обширный и сложный по своему составу пласт слов, употребление которых ограничено и специализировано. Эти ограничения, во-первых, могут быть связаны с условиями общения, в таком случае они имеют социальную природу. Различия условий общения порождают особые социолингвистические варианты литературного языка — функциональные стили. Приспособленные к определенным сферам, формам и условиям речевой деятельности, стили характеризуются, в частности, наличием особых лексических средств, несущих на себе печать принадлежности к определенному стилю и поэтому называемых стилистически-маркированными.

Во-вторых, специфика лексики, противопоставленной нейтральному фонду, может определяться особой сложностью семантики слов, связанной с тем, что в содержании слова кроме объективно-понятийного значения, содержатся коннотативные компоненты, имеющие субъективный характер. В них отражается эмоциональное, оценочное отношение людей к тем явлениям, которые обозначены словом. Такие слова выполняют в языке и речи особую экспрессивную функцию. Именно функциональное своеобразие и определяет наличие в словах коннотативной семантики.

Проблема коннотации и денотации до настоящего времени остается актуальной проблемой, как и в лингвистике, так и в литературоведении. Понятие «коннотация» сводится к тому, что оно в скрытом и явном виде присутствует в концепт-анализе, в исследовании архетипов и мифологии

обыденного сознания. Эти два понятия определяют языковую функцию языка. Среди лингвистов до сих пор нет единогласия в определении границ между денотатом и коннотатом, но есть утверждение о том, что форма содержания языковых функций должна быть представлена в виде дискретных единиц. На уровне вторичных моделирующих систем можно определить эти понятия, где система денотата имеет другие размеры, чем система единиц коннотата. Денотат – это частное употребление когнитивного и лексического значения слова, а коннотация – это дополнительное по отношению к основной части понятие.

Эти два понятия не определяют друг друга, так как каждый из них требует своего предварительного определения: денотат – базовый уровень значения; коннотат – ряд экспрессивных функций, которые создаются или существуют в комплексе денотации. Например, когда поэт (писатель) определяет название или заглавие своего произведения – это коннотирует текст, а часть фрагмента текста, другой текст или внетекстовая реальность является денотатом.

Следовательно, денотация не определяет коннотацию, так как она сама требует предварительного определения собственно-лексического значения. Коннотат использует форму и референт денотата как фундаментальное построение собственного знака с другим референтом. В свою очередь в семиотике различают эти два типа референта для знаковой формы. Эти различия определяются отношениями между формой и референтом. Естественный, обыденный язык принципиальным образом отличается от всех остальных своей многозначностью, то есть их форма имеет не один, а несколько референтов.

В своем труде «Фигуры» Ж.Женетт приводит определение французского исследователя Э.Гобло по отношению к терминам «денотат» и «коннотат». Они были введены в логику и относились к понятию: «Всякое существительное денотатирует некоторые предметы и

коннотатирует качества, относящиеся к этим предметам».¹ Это определение легло в основу использования терминов в лексической семантике. Денотатом обычно считается «прямое» значение, которое возникает первым в сознании человека при столкновении со словом (знаком). Коннотатом знака определяется значение, формирующееся ассоциациями – культурными, психическими, социальными или личными, которое возникает в сознании интерпретатора, например, *Снег идет, снег идет./ К белым звездочкам в буране / Тянутся цветы герани/ За оконный переплет.../ Словно с видом чудака, / С верхней лестничной площадки, /Крадучись, играя в прятки, /Сходит небо с чердака/ Потому что жизнь не ждет./ Не оглянешься, и – святки./ Только промежутки краткий,/ Смотришь, там и Новый год* (Б.Пастернак С.241); *Работай, работай, работай:/ Ты будешь с уродским горбом / За долгой и честной работой,/ За долгим и честным трудом./ Под праздник – другим будет сладко,/ Другой твои песни поет,/ С другим лихая солдатка / Пойдет, подбочась, в хоровод* (А.Блок С.91).

Явления коннотации рассматриваются во многих лингвистических работах. В целом единицы коннотирующей системы составляют около 10% общелитературного словарного фонда, они малочастотны и относятся к периферийным отделам лексической системы. Тем не менее, роль такой лексики очень важна, без нее не может обойтись ни один язык. Это необходимые средства совершенствования и гибкости речевой культуры, средства, с помощью которых в объективную информацию, выражаемую с помощью слов, «врывается» субъективный человеческий фактор. Луи Ельмслев впервые упоминает о коннотации в своей книге «Пролегомены в теории языка» (2006). Он определяет язык как средство познания, а текст как исходный пункт для исследователя. Основная же цель его лингвистической теории состоит в выявлении постоянного и лежащих в основе языка изменений. Главная заслуга Л.Ельмслева состоит в том, что

¹ Женетт Жерар. Фигуры. Т.2. -М., 1998.-С. 411.

он вывел за пределы логики эти два понятия (денотат и коннотат). Он не говорит в своих работах о денотации и коннотации, а дает им другое определение коннотативная и денотативная семиотика. Его утверждение основано на том, что семиотика денотативна, если ни один из ее планов не является семиотикой, то есть не представляет знаковую систему. Соответственно, семиотика коннотативна, если план её выражения является семиотикой.

Своей сферой действия коннотативная семиотика определяет систему языка и языковую деятельность, а главное она распространяется на невербальные средства общения (мимика, жесты, знаки, сигнальные коды). Коннотативная семиотика предполагает существование денотативной.

По Л.Ельмслеву, коннотативная семиотика включает широкий круг явлений:

- различие оценочных стилей (высокого, низкого и среднего):

А) высокий стиль: *«Сын человеческий не знает, где приклонить ему главу»* (А.Блок «Ты отошла, и я в пустыне»); *«Ты знаешь, я томлюсь в неволе»* (А.Ахматова); в стихотворении Б.Пастернака "всерьез" – высокий стиль: *Но старость – это Рим, который / Взамен турусов и колес/ Не читки требует с актера, / А полной гибели **всерьез***; в стихотворении М.Цветаевой ревность – «рвение, усердие» окружено архаизмом высокого стиля: *Все древности кроме: дай и мой, / Все ревности кроме той, земной/ Все верности, –но и в смертный бой / Неверующих Фомой; Чем на вас с кремнем огнивом / В лес ходить – как бог судил,/ - К одному бабье ревниво: / Чтобы лап не остудил;*

Б) низкий стиль: в стихотворении Б.Пастернака "читка, турусы и колеса" – низкий стиль. "Читка" – типичное словечко из театрального жаргона: *Но старость — это Рим, который / Взамен турусов и колес/ Не читки требует с актера,/ А полной гибели **всерьез***;

В) средний стиль: в стихотворении Б.Пастернака "наотрез" – слово среднего стиля - *От шуток с этой подоплекой/ Я б отказался **наотрез**./ Начало было так далеко,/ Так робок первый интерес;*

- различие стилистических форм (стих и проза и разные формы их смешения): Читая прозу Б.Пастернака, мы узнаем его стихи. *«Итак, на дворе зима, улица на треть подрублена сумерками, и весь день на побегушках. За ней, отставая в вихре снежинок, гонятся вихрем фонари»;*

- различие стилей («творческого» и «подражательного», названный Л.Ельмслевым «нормальным»): торжественный стиль характерен для стихотворения А.Ахматовой "Четки": *Было душно от жгучего света,/ А взгляды его как лучи./ Я только вздрогнула: / Этот может меня приручить./ Наклонился - / он что-то скажет... / От лица отхлынула кровь./ Пусть камнем надгробным ляжет / На жизни моей любовь;* В первый поэтический сборник М.Цветаевой «Вечерний альбом» вошли в основном полудетские, во многом подражательные стихи. Основная тема «Вечернего альбома» — тема всеведущего ребенка, причастного к тайнам бытия: *Мы старших за то презираем,/ Что скучны и просты их дни.../ Мы знаем, мы многое знаем / Того, что не знают они. («Мирок»)*

- различие эмоциональных, говоров (профессиональные языки, жаргон), тонов, национальных, региональных языков (диалекты), вплоть до индивидуальных особенностей произношения: в стихотворении Б.Пастернака читка – "низкое" слово относится к театральному жаргону и имеет уничижительное значение, но главное оно отдает дурной театральностью: *Но старость – это Рим, который / Взамен турусов и колёс/ Не читки требует с актёра,/ А полной гибели всерьёз* («О, знал бы я, что так бывает...»).

Пониманию коннотации в лексике соответствует критерий, выдвинутый Л.Ельмслевым о том, что коннотация имеет место во всех случаях, если означаемым выступает знак (слово), а в соответствии с этим он не выдвигал никаких ограничений. Его предложение о понимании

коннотации лучше всего подходило для раздела языкознания «стилистика», где оно широко используется.

В стилистике коннотативное значение определяется как вторичное, а также обозначается иерархия денотативного и коннотативного выражения.

«Стилистическое значение языкового знака — это коннотативное означаемое, чьим означающим выступает данный знак как единство денотативного означающего и денотативного означаемого».¹ Например, слова **расшибают**: *И вот у господ / Расшибают пожарные снасти, / И громадами зарев / Командует море бород* (Б.Пастернак С.346); **забредает**: *В нашу прозу с ее безобразьем / С октября забредает зима. / Небеса опускаются наземь, / Точно занавеса бахрома* (Б.Пастернак С.337); **модниц**: *...А вдали Трибуна придавила плоской крышей / Толпу зевак и модниц* (А.Блок С.77) сообщают о сфере своего употребления и передают стилистический смысл «разговорность».

В совокупности термином «коннотация» можно обозначить «дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно и эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность».²

Маркированную лексику можно характеризовать как вторичные лексические средства, синонимически соотнесенные с нейтральным фондом. Большинство маркированных слов связано с нейтральными словами своеобразными привативными *морда-лицо-урод, затихнуть-замолчать, молодость-юность, смеяться – надсмехаться – глумиться – издеваться и т.д.* Например, *Где клавесина аккорды, / Темные шторы в*

¹ Долинин К. А. Стилистика французского языка. 2-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 1987. – С.44.

² Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 3-е изд. – М., 2004. –С. 203-204.

цветах,/ Великолепные морды, / На вековых воротах;/ Домики со знаком породы,/ С видом ее сторожей,/ Вас заметили уроды, / - Грузные, шесть этажей (М.Цветаева С.37); С ним и в утро туманное / Солнце и ветер в лицо!/ С ним подруга желанная/ Входит ко мне на крыльцо (А.Блок С.33); Мы с тобой лишь два отголоска;/ Ты затихнул, и я замолчу / Мы когда-то с покорностью воска / Отдалились роковому лучу (М.Цветаева С.34); Для того я (в проявленном – сила)/ Все родное на суд отдаю/ Чтобы молодость вечно хранила / Беспокойную юность мою (М.Цветаева С.37); Вы сотни лет глядели на Восток,/ Копя и славя наши перлы,/ И вы, глумясь, считали только срок, / Когда наставить пушек жерла! (А.Блок С.231); Как влюбленность старо, как любовь забываемо-ново:/ Утро в карточный домик, смеясь, превращает наш храм (М.Цветаева С.31). Маркированный элемент таких оппозиций всегда информативно богаче нейтрального наименования. При этом дополнительная информация, связанная с маркированным словом, может быть двух типов.

Во-первых, она может быть чисто внешней, маркирующей не значение слова, а само слово как единицу словарного состава, обладающую определенной стилистической «привязанностью». Например, слова **шарить, плутать, отлынивать, волочиться, зараз**: *Увидел все зараз: вдали летели / Жокеи в пестром – к тонкому столбу (А.Блок С.77); Не сдвинемся./ Когда свирепый гунн/ В карманах трупов будет шарить,/ Жечь города, и в церковь гнать табун,/ И мясо белых братьев жарить!...(А.Блок С.233); ...Дверь с дверью, друг друга пороча,/ Златые и синие хлопья/ Плутаю и гибнут вразброд (Б.Пастернак «Сердца и спутники» С. 295); От луча отлынивая смолью./ Не алтыном огруженных кос,/ В яровых пруженые удоля/ Молдован сбивается обоз (Б.Пастернак «Цыгане» С. 295); За нею на ходу, по вечерам / И по ухабам ночи волочиться,/ Как цепь, надорванная пополам,/ Заржавленная, древняя столица (Б.Пастернак С.297); стилистически маркируются как разговорные, слова **вдохновлять, вероломство, озарить, внять, напутствие**: *Я рос./ И**

*повечерий тканых / Меня фата обволокла./ Напутствием вином в стаканах, /Игрой печальною стекла... (Б.Пастернак С.11); И как будто по ошибке/ Я сказала: «Ты...» / Озарила тень улыбки /Милые черты (А.Ахматова С.24); ...А там мой мраморный двойник,/ Поверженный под старым кленом,/ Озерным водам отдал лик, / Внимает шорохам зеленым (А.Ахматова С.26); А если нет – нам нечего терять, и нам доступно вероломство!/ Века, века – вас будет проклинять/ Больное позднее потомство! (А.Блок С.232); Не твоих ли звуков сладость вдохновляла в те года?/ Не твоя ли. Пушкин, радость / Окрыляла нас тогда? (А.Блок С.235) несут на себе печать принадлежности к книжным стилям, а **глазеть, тыкать, цапать** «просторечные», например, *Пестрели там и здесь. / А на заборе Прохожие сидели и глазели (А.Блок С.77); Бывало, раздвинется запад/ В манерах ненастий и шпал / И примется хлопьями цапать, / Чтоб под буфера не попал (Б.Пастернак С.13); Перебирая вещи поименно,/ Поочередно тыкаясь во тьму,/ Они пророчить станут перемену/ Дождю, земле, любви – всему, всему (Б.Пастернак С.292).**

Во-вторых, чаще всего маркирующая информация входит в содержание лексического значения в качестве особого коннотативного компонента. В связи с этим и принято разграничивать в сфере функционально-маркированной лексики два типа слов: коннотативную лексику и лексику собственно стилистически-маркированную, хотя практически во многих случаях оба типа маркированности могут совмещаться в одних и тех же словах.

Таким образом, мы убедились, что в специфической части экспрессивов или коннотативов представлены в разных комбинациях компоненты оценочного, эмоционального, образного и интенсивно-количественного характера, органически связанные друг с другом. Следует подчеркнуть, что, хотя коннотация в рамках лексического значения слова является дополнительной по отношению к основной понятийной части, с точки зрения функциональной именно коннотация обуславливает

языковую значимость соответствующего слова. Именно ради экспрессивной функции создаются и существуют в словарном составе языка такие слова. В отдельных словах коннотация выступает в качестве преобладающего компонента, «размывающего» понятийное содержание, делающего его диффузно-неопределенным. Например, так называемые сверхмногозначные глаголы *жарить*, *шпарить*, которые могут употребляться как синонимы глаголов речи (*Шпарит по бумажке*), глаголов перемещения (*А ну, шпарь к соседям!*), глаголов проявления качества (*Мороз шпарит всю неделю*) и другие.

В целом экспрессивы (коннотативы), как правило, синонимически соотнесены с нейтральными словами, но соотнесенность эта может быть различной. В одних случаях экспрессив полностью совпадает с нейтральным словом по понятийному содержанию и отличается только коннотативно, например: *ложь* — *брехня* — *чепуха*, *ударить* — *жахнуть*, *украсть* — *стибрить*, *насутиться* — *нахмуриться* — *огорчиться* — *опечалиться* и т.д. Например, *Сквозь заросли татарника, ошпаренная,/ Задами пробивается тоска;/ Где дуб дуплом насутился, / Здесь тот же желтый жушел все* (Б.Пастернак С.297).

В других случаях, когда компоненты типа «интенсивность» или «оценочность» присутствуют в самом понятийном значении и как бы дублируются в коннотативной части, отношения экспрессива с нейтральным словом имеют более сложный характер. Здесь имеет место собственно привативная оппозиция, маркированный элемент которой отличается от нейтрального синонима не только коннотативно, но и по семам понятийной части. Например, слово *мазня* может быть соотнесено со словами *рисунок*, *картина* только в том случае, если речь идет о плохом произведении. В таком случае сема «плохой» входит в понятийную часть слова *мазня*, делая ее более содержательной. Аналогично обстоит дело в соотношении слов *запевала*, *застрельщик*, *зачинщик* с нейтральным *инициатор*, слов *пособник*, *сподвижник*, *соратник* со словом *помощник*.

Понимание стилистических значений как коннотативных позволило собрать воедино явления, относящиеся к разным сторонам устройства языка, фонетике и лексике, грамматике и синтаксису и сформулировать представление о стилистической системе языка как о соединении отдельных членов языковой структуры в одно и качественно новое целое. Исходя из этого, можно предположить, что звуки той или иной стилистической окраски и формы и знаки той же окраски входят в одну стилистическую систему в противовес звукам, формам и знакам другой окраски, и во взаимодействии всех таких систем создается общая стилистическая жизнь языка. Стилистика определяет, что многообразие значений передается коннотативно. Критерий Л.Ельмслева был переформулирован в стилистике, которая разделяла коннотацию и денотацию. Говоря о том, что в логическом смысле их разделение применимо только к однозначным словам, и что коннотативным значением наделяются все типы словесных знаков, в свою очередь, следует отметить, что словоизменительные и словообразовательные морфемы, структурные схемы предложений и фонемы являются носителями стилистического смысла.

Такое предположение основывается на том, что ни одна единица языка не предназначена для выражения коннотации: у нее есть всегда первичное предназначение, которое определяет его денотативную семиотику, соответствующая тому уровню, которому принадлежит. Подтверждает такую точку зрения еще одна филологическая дисциплина – теория выразительности.

«Выразительность — это то, что в лингвистике называется коннотацией» (Женетт приводит мнение французского специалиста по эстетике М.Дюфрена).¹

¹ Женетт Жерар. Фигуры. Т.2. - М., 1998. -С.410.

Общеизвестно, что выразительность позволяет нам говорить о разных способах передачи коннотации: фонетический уровень, разнообразные звуковые повторы, паронимическая аттракция, анаграммы, которые играют важную роль в поэзии.

Вчитываясь в строки стихотворения Марины Цветаевой - *Минута: минущая: минешь! Так мимо же, и страсть и друг!*, мы можем констатировать паронимическую аттракцию, которая позволяет нам говорить именно об уровне означающего, где выразительность - коннотация рождается за счет отсылки к норме, и где происходит произвольная связь между означающим и означаемым.

Существенно, что до сих пор весь вопрос о референциальном статусе коннотативных и денотативных смыслов остается открытым в теории языкознания.

ВЫВОД ПО I ГЛАВЕ

В первой главе «Теоретический аспект изучения эмотивности языка в текстовом пространстве» рассматривается взаимосвязь эмоций и языка. В ходе анализа научной литературы мы пришли к выводу, что взгляд ученых на взаимосвязь эмоций и языка обширен и разнороден. В своей работе мы придерживаемся взгляда В.Гумбольдта, который указывает, что язык есть деятельность духа, мышления, а рациональное и эмоциональное в концепте неразделимы, что в итоге и составляет единое концептуальное пространство, сохраненное в единицах языка.

Конечно, перед тем как приступить к анализу поэтического текста, мы, в свою очередь, должны были ознакомиться с самим понятием поэтический текст. Поэтический текст, в отличие от прозаического, способен «охватить любое пространство и время, читателя, поэта, слушателя, интерпретатора и т.д.» или оказывается изоморфным пространству культуры. Поэтому наше исследование ограничивается только поэтическими текстами.

В третьем параграфе дается различие между денотатом и коннотатом, но следует отметить, что спор вокруг этого вопроса остается открытым и по настоящее время. Коннотативная семиотика предполагает существование денотативной, в связи с чем, Л.Ельмслев предлагает свой круг явлений, входящих в эту область лексики.

Семиотика выделяют два типа референтов для знаковой формы: денотация и коннотация, различия между ними определяются отношениями между формой и референтом.

Денотативное значение — самое очевидное, употребляемое и прочно связанное с формой в сознании носителя языка и культуры, коннотативное значение формируется ассоциациями — социокультурными или личными, возникающими в сознании интерпретатора.

Язык стимулируют общечеловеческую духовную силу к постоянной деятельности и ее нужно изучать совместно с эмоциями, которые мы хотим передать через текст или речь, а поэты путем своих произведений. Выражаясь другими словами, в данном случае можно говорить о стремлении поэтов XX века раскрыть полноту языка в действительности. Основной задачей же языковеда или литературоведа в данном случае является изучение языка в его первостепеннейшем итоге.

ГЛАВА II. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ

2.1. Общее понятие об эмоциях

Способы определений и классификации эмоции очень широк. Определения термина «эмоция», которые, казалось бы, должны в наиболее концентрированном виде отражать степень нашего проникновения в природу и внутреннюю структуру определяемого явления, как правило, носят абстрактно-описательный характер, или требуют дополнительных разъяснений. В центре многих научных дисциплин стоит вопрос об эмоциональном переживании человека. Одна из приоритетных задач лингвистики эмоций заключается в изучении эмоциональной картины мира, где определяющим фрагментом являются эмоции человека. На современном этапе изучение эмоции должно рассматриваться путем использования комплексного подхода. Приведем несколько примеров определения эмоций, используемых в разных науках.

Эмоции - психический процесс, характеризующий переживание человека. Эмоции представляют интегральное выражение измененного тонуса нервнопсихической деятельности человека. Определение эмоции как переживания (а переживания - как эмоции) можно встретить не только у психологов, но и в лингвистов, которые полагают, что эмоции имеют ярко выраженную субъективную окраску и охватывают все виды чувствований и переживаний человека – страдание, горе, отчаяние, радость, любовь и другие.

Антропоцентрический подход направлен на изучение специфических средств и способов вербальной манифестации внутреннего мира человека. Данный подход имеет значительный интерес в исследовании познания его эмоционального мира и осознание роли человека в природе. Иначе говоря, это центр всей научной парадигмы человека, которую ставит перед собой антропоцентризм.

В своей работе мы опираемся на следующее определение термина эмоции: «Эмоции - субъективные реакции человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, проявляющиеся в виде удовольствия или неудовольствия, радости, страха и т. д. Сопровождая практически любые проявления жизнедеятельности организма, эмоции отражают в форме непосредственного переживания значимость (смысл) явлений и ситуаций и служат одним из главных механизмов внутренней регуляции психической деятельности и поведения, направленных на удовлетворение актуальных потребностей (мотивации)».¹ Мы считаем, что подобное определение можно признать справедливым в самых общих его чертах, однако, оно требует уточнений, без которых рискует остаться слишком расплывчатой фразой.

Эмоции выполняют функцию не отражения объективных явлений, а выражения субъективных к ним отношений. Поэтому данные о том или ином эмоциональном переживании мы можем сравнивать лишь с данными о других эмоциональных переживаниях у одного и того же человека или у других людей, а также с некоторым объективным «эталоном». Итак, эмоции есть «выражение без отражения», их допустимо сравнивать не с объективными факторами, эти эмоции порождающими и детерминирующими, а лишь с другими эмоциями.

Литература переполнена экспериментальными данными, свидетельствующими о зависимости эмоционального напряжения от величины потребности (мотивации) и прогнозирования вероятности ее удовлетворения. Например, *Христос и Бог! / Я жажду чуда / Теперь, сейчас в начале дня! / О , дай мне умереть, покуда / Вся жизнь как книга для меня. / Ты мудрый. / Ты не скажешь строго: / «Терпи, еще не кончен срок». / Ты сам мне подал – слишком много! / Я жажду сразу – всех дорог!.../ Люблю и крест, и шелк, и каски,/ Моя душа мгновений след .../*

¹ Леонтьев А. Я., Судаков К. Я. Эмоции. -БСЭ, Т. 30. -М., 1978. –С.169.

Ты дал мне детство – лучшие сказки / И дай мне смерть – в семнадцать лет! (М.Цветаева «Молитва» С.34).

Проблема вербального выражения эмоций интересовала не только русских лингвистов, но и зарубежных (В.Н.Телия, Н.Д.Арутюнова, Н.А.Лукьянова, В.И.Шаховский, З.Е.Фомина, Н.А.Красавский и другие). Однако существует проблема описания эмоций. Природу языка можно объяснить и понять, с точки зрения самого человека и его мира.

Эмоции неотделимы от человека и, поэтому человек – не робот, он чувственен и эмоционален. Эмоции наблюдаются непосредственно в речи, так и в движениях, мимике, голосе. Разумеется, эмоция зависит и от ряда других факторов, одни из которых нам хорошо известны, а о существовании других мы, возможно, еще и не подозреваем.

К числу известных относятся:

- индивидуальные (типологические) особенности субъекта, прежде всего индивидуальные особенности его эмоциональности, мотивационной сферы, волевых качеств: Стихотворение «Страшный мир» А.Блока принадлежит к периоду написания, когда поэт ощущал тоску, отчаяние и неверие: *Я хотел, чтоб мы были врагами,/ Так за что ж подарила мне ты/ Луг с цветами и твердь со звездами -/ Всё проклятье своей красоты?;*

- фактор времени, в зависимости от которого эмоциональная реакция приобретает характер стремительно развивающегося аффекта или настроения, сохраняющегося часами, днями и неделями: Понимание революции 1917 года было сложным и противоречивым для М.Цветаевой. *Кровь, проливаемая в гражданской войне, отторгала, отталкивала ее от революции. Это был крик и плач души поэтессы: Белый был — красным стал:/ Кровь обагрила./ Красным был — белый стал:/ Смерть победила;*

- качественные особенности потребности: В лирике А.Ахматовой всё сильнее звучат мотивы мгновенности, бренности человеческой жизни, ее греховности. Лирическая героиня ищет спасение от этих процессов в религии. Но молитва неожиданно сплетается с чувством любви и

томления: *Протертый коврик под иконой,/ В прохладной комнате темно./ И густо плющ темно-зеленый/ Завил широкое окно/* («Протертый коврик под иконой»).

Так, эмоции, возникающие на базе социальных и духовных потребностей принято именовать чувствами. Низкая вероятность избегания нежелательного воздействия породит у субъекта тревогу, а низкая вероятность достижения желаемой цели – фрустрацию и т. д.

Но все перечисленные и подобные им факторы обуславливают лишь вариации бесконечного многообразия эмоций, в то время как необходимыми и достаточными являются два, только два, всегда и только два фактора: потребность и вероятность (возможность) ее удовлетворения.

Информационная теория эмоций справедлива не только для сравнительно сложных поведенческих и психических актов, но для генеза любого эмоционального состояния. Например, положительная эмоция возникает за счет свидетельствующей о растущей вероятности удовлетворения данной потребности: *Встану я в утро туманное,/ Солнце ударит в лицо./ Ты ли, подруга желанная,/ Восходишь ко мне на крыльцо?/ Настежь ворота тяжелые!/ Ветром пахнуло в окно!/ Песни такие веселые / Не раздавались давно!/ С ними и ветер в лицо!/ С ними подруга желанная / Входит ко мне на крыльцо!* (А.Блок «Встану я в утро туманное» С.33).

В отличие от исследований, в процессе которых поэт сохраняет речевой контакт с читателем, интерпретатор может судить об эмоциях поэта только по внутренним поведенческим проявлениям этих эмоций. И здесь возникает препятствие, к анализу которого вновь и вновь следует обращаться для определения оценки поэта. Многие интерпретаторы слишком упрощенно оценивают и по-своему трактуют сущность поведенческой реакции поэта. Большинство исходит из того, что эмоция - это форма поведения. Если поэт пишет о разбитом сердце - значит это

испытанное им чувство потери любимой, а если же восхищение этим чувством - это реакция живости.

Восприятия эмоциональной окраски речи зависят от личностных особенностей человека и от его собственного эмоционального состояния в данный момент. Эмоции другого лучше распознают лица, принадлежащие по своим характеристикам к типу «ведомых».

В теоретическом плане мы вновь убеждаемся в том, что текст и лексические единицы не только выражают субъективные переживания человека, но и отражают объективные факторы той ситуации, которая породила данное переживание: наличие потребности и прогнозирование возможности ее удовлетворения. Даже в случае, когда лексемы или окраска речи поэта не соответствуют действительному эмоциональному состоянию субъекта, они обусловлены какой-то иной потребностью и будут тем убедительнее, чем сильнее эта потребность. Вторым, очень важным условием убедительности внешнего выражения эмоций оказывается способность и умение человека трансформировать свою истинную потребность в мотивы поведения изображаемого им лица.

Значение информационной теории эмоций для литературы не ограничивается ответом на вопрос «что такое эмоция?», анализом отражательно-оценочной и регуляторных функций эмоций. Раскрытие сложной внутренней структуры эмоций сейчас же ставит серию задач, решение которых по сути дела затрагивает почти все основные проявления ее в поэтическом тексте.

2.2. Классификация эмоций

Классификация эмоций у человека прошла сложный и долгий путь. Их особенность заключается в том, как воспринимает человек ту или иную информацию. Ведь на появление эмоции должен повлиять какой-нибудь раздражитель (событие, человек, здоровье и т.д.) или сама обстановка, в которой происходит контакт человека с эмоциогенным агентом.

Предпринимались неоднократные попытки классифицировать эмоциональные состояния, переживания и чувства человека (Т.Брауном, Д.Стюартом, Ридом, Р.Декартом, Э.Титченером, К.Изартом, В.Вундтом, А.Бэном, И.Кантом и другими).

По Т. Брауну эмоции классифицируются по временному признаку, т. е. непосредственные, проявляемые «здесь и сейчас», ретроспективные «прошлое в настоящем» и проспективные «настоящее в будущем». Рид классифицирует эмоции на основании отношения к источнику действия и делит их на три группы: 1) которым свойственно механическое начало (инстинкты, привычки); 2) эмоции с животным началом (аппетит, желание, аффектации); 3) эмоции с рациональным началом (самолюбие, долг). Классификация Д.Стюарта отличается от предыдущей тем, что первые две ридовские группы объединены в один класс инстинктивных эмоций. В основе классификации И.Канта лежит причина возникновения эмоций: эмоции сенсуальные и интеллектуальные. При этом аффекты и страсти он относил к волевой сфере. А.Бэн выделял 12 классов эмоций.

В.Вундт, который считается основоположником научной психологии, отметил в своих трудах, что число эмоций настолько велико (значительно больше 50 000), что язык не располагает достаточным количеством слов для их обозначения.

В противовес ему американский психолог Э.Титченер считал, что существует только два вида эмоционального тона ощущений: удовольствие и неудовольствие. По его мнению, В.Вундт смешивал два

различных явления: чувства и чувствование. Чувствование – сложный процесс, состоящий из ощущения и чувства удовольствия или неудовольствия. Трудности в определении эмоций как самостоятельного понятия или названия того же понятия, но другими словами предопределяет сложность классификации эмоций.

По классификации К.Изарда существует 10 основных эмоций: гнев, презрение, отвращение, дистресс (горе-страдание), страх, вину, интерес, радость, стыд, удивление.

П.В.Симонов считал, что ни одна из предложенных классификаций не получила широкого признания и не сохранилась в качестве эффективного инструмента дальнейших поисков и уточнений, а объясняется это тем, что все эти классификации имели под собой неверную теоретическую основу или вовсе не имели ее. По В.Симонову, вероятность удовлетворения потребностей в огромной мере зависит от действий субъекта, которые могут служить классифицирующим принципом для выявления фундаментальных эмоций, занимающих центральное положение в сфере эмоциональных состояний человека. П.В.Симонов предлагает свою собственную классификацию эмоций, разработанную “с учетом их зависимости от величины потребности и размеров дефицита или прироста прагматической информации”.¹

Взаимодействие с объектом удовлетворения потребности в свою очередь бывает либо контактным, которое субъект может прервать или продолжить, но не предотвратить, либо бесконтактным. Эмоции, соответствующие перечисленным типам взаимодействия, представлены в таблице, предложены П.В. Симоновым в книге «Эмоциональный мозг» (таблица 2.2.1).

¹ Симонов К. Собрание сочинений в шести томах. Т.1. - М.: Художественная литература, 1966. –С.65.

ТАБЛИЦА 1

Величина потребности	Оценка вероятности удовлетворения	Контактное взаимодействие с объектом	Дистанционные действия		
			овладения, обладания объектом	защиты, сохранения объекта	преодоления, борьбы за объект
Нарастает	Превышает имеющийся прогноз	Наслаждение, удовольствие	Восторг, счастье, радость	Бесстрашие, смелость, уверенность	Торжество, воодушевление, бодрость
Небольшая	Высокая	Безразличие	Спокойствие	Расслабление	Невозмутимость
Нарастает	Падает	Неудовольствие, отвращение, страдание	Беспокойство, печаль, горе, отчаяние	Настороженность, тревога, страх, ужас	Нетерпение, негодование, гнев, ярость, бешенство

Одновременная актуализация двух и более потребностей порождает сложнейшие эмоциональные аккорды (таблица 2.2.2).

ТАБЛИЦА 2

Вторая потребность	Первая потребность					
	удовольствие	отвращение	радость	горе	страх	гнев
Удовольствие	Суммация	—	—	—	—	—
Отвращение	Пороговые состояния, пресыщение	Суммация	—	—	—	—
Радость	Сочетаются редко	Поверженный негодяй	Суммация	—	—	—
Горе	Религиозное «принять страдание»	Необходимость что-то сделать в горе	Встреча перед разлукой	Суммация	—	—
Страх	Аттракционы, риск	Вид змеи	Желанная встреча с неизвестным исходом	Новая опасность на фоне уже понесенной утраты	Суммация	—
Гнев	Месть	Презрение	Злорадство, торжество	Возмущение	Разновидность ненависти	Суммация

Состояния и ситуации, перечисленные в таблице, приблизительны и условны, их нельзя считать развернутой классификацией смешанных эмоций.

Анализ эмоционально-оценочной лексики, используемой в русской поэзии XX века, позволил нам выделить класс эмоций с тремя подгруппами:

1) положительные эмоции:

а) **удовольствие (наслаждение, воодушевление, бодрость, бесстрашие, смелость, уверенность):** *Чуть лёгкий выучен урок,/ Бегу тотчас же к вам, бывало./ — Уж поздно! / — Мама, десять строк!../ Но, к счастью, мама забывала.* (М.Цветаева); *Мы живем в старинной келье / У разлива вод. / Здесь весной кипит веселье, / И река поет* (А.Блок);

б) **радость (восторг, счастье, торжество):** *Ах, этот мир и счастье быть на свете / Еще не взрослый передаст ли стих?* (М.Цветаева); *Перед весной бывают дни такие:/ Под плотным снегом отдыхает луг, / Шумят деревья весело-сухие, / И теплый ветер нежен и упруг / Я счастлива жить образцово и просто /— Как солнце, как маятник, как календарь./ Быть светской пустыницей стройного роста,/ Премудрой — как всякая божия тварь* (М.Цветаева); *Но никогда не перестанет радоваться сердце/ Тихою радостью о том, что вы придете* (А.Блок «К вечеру вышло тихое солнце»); *И я люблю сей мир ужасный:/ За ним сквозит мне пир иной,/ Обетованный и прекрасный/ И человечески простой...* (А.Блок); *Я в лес вхожу./ И мне не к спеху./ Пластами оседает наст. / Как птице, мне ответит эхо,/ Мне целый мир дорогу даст* (Б.Пастернак); *В тихом воздухе - тающее, знающее.../ Там что-то притаилось и смеется./ Что смеется? Мое ли, вздыхающее, / Мое ли сердце радостно бьется?* (А.Блок «Отворяются двери - там мерцанья»);

2) отрицательные эмоции:

а) **отвращение (неудовольствие, страдание, безразличие):** *Тебя пою, о да!/ Но просиял твой свет/ И вдруг исчез — в далекие туманы...* (А.Блок

«Не ты ль в моих мечтах...»); *Пойми, певал и до меня:/ «Россия, родина моя!» / Даль, отдалившая мне близь,/Даль, говорящая: «Вернись Домой!»* (М.Цветаева); *Я не только не имею права,/ Я тебя не в силах упрекнуть/ За мучительный твой, за лукавый, / Многим женщинам сужденный путь* (А.Блок); *Февраль. Достать чернил и плакать! / Писать о феврале навзрыд,/ Пока грохочущая слякоть/ Весною черною горит* (Б.Пастернак); *Свобода смотрит в синеву./ Окно закрыто. Воздух резок./ За жолто – красную листву / Уходит месяца отрезок* (А.Блок);

б) горе (беспокойство, печаль, отчаяние): *На белом холодном снегу/ Он сердце свое убил./ А думал, что с Ней в лугу / Средь белых лилий ходил* (А.Блок «Ушел он, скрылся в ночи...»); *Тоска по родине!/ Давно Разоблаченная морока!/ Мне совершенно все равно /- Где совершенно одинокой* (М.Цветаева); *В январе на заре было горе,/ Длилось - час. Настоящее, горькое горе* (М.Цветаева); *К детским снам, клонясь неутомимо,/ (Без тебя лишь месяц в них глядел!)/ Ты вела своих малюток мимо / Горькой жизни помыслов и дел* (М.Цветаева); *Предчувствую Тебя. /Года проходят мимо /- Все в облике одном предчувствую Тебя./ Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо,/ И молча, жду, - тоскуя и любя...* (А.Блок); *Любить иных — тяжелый крест,/ А ты прекрасна без извилин,/ И прелести твоей секрет/ Разгадке жизни равносилен* (Б.Пастернак); *Я бросил сердце с белых гор,/ Оно лежит на дне / Я сам иду на твой костер./ Сжигай меня!* (А.Блок «Сердце предано метели»);

в) страх (настороженность, ужас, тревога): *Как тяжело ходить среди людей/ И притворяться непогибшим,/ И об игре трагической страстей/ Повествовать еще не жившим* (А.Блок); *Глухая пара листопада,/ Последних гусей косяки. / Расстраиваться не надо:/ У страха глаза велики* (Б.Пастернак); *Скелет, до глаз закутанный плащом,/ Чего-то ищет, скалясь черным ртом.* (А.Блок «Пляски смерти»);

г) гнев (нетерпение, негодование, ярость, бешенство): *Как мне скинуть злую дрему,/ Как мне гостя отогнать?/ Как мне милую – чуждому, / Проклятому не отдать? (А.Блок); По стене сбежали стрелки./ Час похож на таракана./ Брось, к чему швырять тарелки,/ Бить тревогу, бить стаканы (Б.Пастернак); Поверь, мы оба небо знали:/ Звездой кровавой ты текла, / Я измерял твой путь в печали,/ Когда ты падать начала (А.Блок «Твое лицо бледней, чем было...»); Рабом безумным и покорным/ До времени таюсь и жду/ Под этим взором, слишком черным/ В моем пылающем бреду... (А.Блок «Перехожу от казни к казни»);*

3) неопределенные эмоции:

удивление (недоумение, сомнение, интерес, любопытство): *Во всем мне хочется дойти/ До самой сути./ В работе, в поисках пути,/ В сердечной смуте (Б.Пастернак); А! Это снова ты. /Не отроком влюбленным,/ Но мужем дерзостным, суровым, непреклонным / Ты в этот дом вошел и на меня глядишь. / Страшна моей душе предгрозовая тишь (А.Ахматова); К губам поднесу и прислушаюсь,/ Все я ли один на свете,/ — Готовый навзрыд при случае,/ — Или есть свидетель (Б.Пастернак); Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться? /Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!/ Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться.../ Вольному сердцу на что твоя тьма? (А. Блок); Как не стыдно! /Ты, такой не робкий,/ Ты, в стихах поющий новолуние,/ И дриад, и глохнущие тропки,/ - Испугался маленькой колдуньи! (М.Цветаева); Где вечер пуст, как прерванный рассказ, /Оставленный звездой без продолженья / К недоумению тысяч шумных глаз,/ Бездонных и лишенных выраженья (Б.Пастернак).*

В разработанной таким путем и предлагаемой нами выше классификации эмоций используются только те “речевые модели”, которые обязательно передают специфический компонент эмоций поэта.

2.3. «Эмоциональность» и «оценочность» в соотношении друг с другом

Язык как деятельность человека, пронизан чувствами, как это отмечал еще в начале XX века В.фон Гумбольдт. Современная лингвистика призывает изучать язык в тесной связи с человеком. В свете этого возможно осмысление и понимание языковой системы эмоционального фона.

Независимо от того, в какое время живет человек, ему свойственно испытывать, переживать такие эмоции: счастье, грусть, любовь, печаль. Это большой эмоциональный опыт. Психологи говорят об универсальности эмоций, которые отражают опыт универсального понимания психической деятельности человека. Большинство чувств сами по себе универсальны и общекультурны. Их кодирование и декодирование одинаково для людей всего мира, независимо от культуры, языка или уровня образования.

Язык-это не отражение зеркала мира, это мир эмоций и набор языковых средств, их отображающих, которые могут не совпасть или совпасть.

Принимая во внимание эмоциональный опыт человечества, мы можем предположить существование универсальных эмотивных смыслов в лексической семантике, поскольку семантика мышления, независимо от знаний, эмоций, как и в любой другой части мира, вписывается в определение единицы. Для обозначения этих универсальных эмоций в лингвистике используются различные обозначения: доминантные эмоции, ключевые эмоции, эмоциональный тон, ведущие или базовые эмоции и др. И ныне психологи отмечают: «Словарь эмоций в разных языках не совпадает, но это не говорит нам о том, что будет доступно для одной нации, недоступно для другой, т.е. эмоции универсальны, и типологическая структура эмоциональной лексики, которая не одинакова

в разных языках, будет иметь свою национальную специфику, свой оригинал показателя эмоций».

В настоящее время не утрачивает актуальности сопряжение эмоций и оценки. Это связано с тем, что эмотивная лексика изучается с учетом таких категорий, как оценочность, экспрессивность, образность, которые оказываются особенно тесными с оценкой. Эмоциональность и оценочность - категории, безусловно, взаимосвязанные, а вот на счет характера их связи имеются различные точки зрения.

Хотя не всеми учеными эмоциональность и оценочность признаются как однопорядковый компонент. Это прежде всего проистекает в результате того, что данный компонент, представляющий информации в скрытом сравнении, оживляющий наше представление о тех или иных явлениях, не связан с отражением каких-либо реальных явлений объективного или субъективного характера. Примерами могут быть производные слова с яркой внутренней формой (зубоскал, пропесочить) или вторичные значения метафорического характера типа кипятиться, рычать, рывкать, осёл, свинья, змея, употребленные по отношению к человеку.

О.С.Ахманова, Н.А.Лукьянова, В.К.Харченко, Д.Н.Шмелев и другие рассматривают оценочность как полноправный компонент коннотации. Конечно же, у каждого исследователя есть свои взгляды на этот вопрос: «Что же понимать под оценочностью?». О.С. Ахманова рассматривает ее в качестве компонента, порождающего экспрессию наряду с эмоциональностью и интенсивностью. Н.А.Лукьянова определяет, что оценка в тексте появляется за счет экспрессивных средств языка, В.К.Харченко считает, что оценка, заложена в семантике слова, в соотношении с категорией образности.

Рассматривая оценочность как компонент коннотации, мы, прежде всего, придерживаемся мнения большинства ученых, считающих, что

оценочность связана с эмоциональностью, экспрессией, образностью: конечная цель этих категорий - выразительность.

Эмоциональность и оценочность могут различаться в структуре словаря (лексического значения слова): входить в его понятийное смысловое ядро - и в этом случае мы имеем дело со словами, обозначающими эмоции и оценки (ср. любовь, хороший / ненависть, плохой), или представлять несущественные, но устойчивые признаки выражаемого им понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности.

Оценочность и эмоциональность - нерасторжимое единство. Н.А.Лукьянова в своей работе «Человек в семиотическом лабиринте коммуникативного пространства» дает свое определение оценки и эмоциональности: "Оценочность, представленная как соотношенность слова с оценкой, и эмоциональность, связанная с эмоциями, чувствами, не составляют двух разных компонентов значения, они едины".¹ Этого же мнения придерживается и В.И.Шаховский. По Вольфу, компоненты "эмоциональность" и "оценочность" не должны рассматриваться как часть и целое.

Оценочность и эмотивность - различные компоненты, но связь их друг к другу весьма близка. Различие подтверждается тем, что многим подклассам с категорией эмоциональности, категория оценки свойственна не в одинаковой степени. Сторонники этой позиции подтверждают, что и оценочность не в равной степени свойственна эмоциональной лексике. Долгое время в параметре оценки не рассматривалась лексика эмоций типа "любовь", "грусть", "ненависть", "обида", но, следует отметить, что словам этой категории, в которых

¹ Лукьянова Н.А. Коммуникативно-семиотическое моделирование социокультурных изменений: диссертация ... доктора философских наук. - Великий Новгород, 2009.- С.36.

исследуется и характер оценочности, экспрессивности, в последние годы уделяется большое внимание, В результате выделены типы оценочных слов: общеоценочная лексика типа "нравится / не нравится, одобрение / не одобрение"; часто оценочные слова или интерпретирующие "эмотивный аспект" оценки слова, типа "ненависть", "любовь", "презрение". Вторые содержат, наряду с оценочной модальностью, обозначение эмоции.

Сегодня мы имеем достаточно полную картину системы оценки значений, в том числе структуры оценки эмотивной лексики.

Многие фундаментальные исследования показали, что эмоциональная лексика включает в свой компонент оценочный характер и что эмотивность в структуре оценочности вполне неодинакова. Это положение определило функциональную природу оценки, то есть эмоциональность и оценочность - два противоположных и различных компонента. Убедиться мы можем в этом в нашей исследовательской работе, где типология оценок не совпадает у поэтов XX века.

Многие английские лексикографы (например, Хорнби или Фаулер), различают эмоциональность и экспрессивность, правда, и не разграничивают эти понятия. А большинство лексикографов считают, что экспрессивность всегда достигается за счет эмоциональности. Такое расширенное понимание опровергается конкретным материалом. Наличие эмоциональной коннотации почти всегда влечет за собой экспрессивность, но обратное неверно.

Чтобы изучить смысловую структуру слова нам следует провести анализ всевозможных «полутонов»: оценочности и эмоциональности, которые представляют собой хотя и не главный, но, тем не менее, существенный признак многих слов.

ОЦЕНОЧНОСТЬ

Под оценочностью понимается заложенная в слове положительная или отрицательная характеристика человека, предмета, явления. Наличие «плюса», «ноль» или «минуса» в значении слова — важнейший показатель

оценки. Рассмотрим такой показатель с помощью примеров, из текста русской поэзии XX века:

Слова, содержащие в себе оттенок «положительности» - **облик, уста, очи, взор**: Прекрасный **лик** горит любовью,/ Но вещей правдою звучат **уста**, запёкшиеся кровью...(А.Блок С.27.); Ведь это там, на дне военицины,/ Навек ребенку в сердце вкован/ Облитый мукой **облик** женщины/ В руках поклонников Баркова...(Б.Пастернак С.371); Весь горизонт в огне, и близко появление,/ Но страшно мне: изменишь **облик** Ты ...(А.Блок С.31); Слезы в **очи** загоняет, воды-/ В берега, проклятие – в **уста**...(А.Блок С.105); Только в **очи** мы взглянули - без остатка,/ Только голос наш до вопля вознесен - / Как на горло наш - железная перчатка/ Опускается – по имени – закон... (М.Цветаева С.104); И те неяркие просторы, Где даже голос ветра слаб, И осуждающие **взоры** Спокойных загорелых баб...(А.Ахматова С.60);

Слова, содержащие в себе оттенок «нейтральности» - **лицо, глаза, губы, взгляд**: О тебе ли я заплачу, странном,/ Улыбнется ль мне твоё **лицо**? Посмотри!/ На пальце безымянном / Так красиво гладкое кольцо... (А.Ахматова С.32); Встану я в утро туманное/ Солнце ударит в **лицо**,/ Ты ли, подруга желанная / Входишь ко мне на крыльцо ...(А.Блок С.33); Вы скажете – ребячество./ Но близятся события./ Анну, как в их разгаре/ Я скроюсь с ваших **глаз**? (Б.Пастернак С.365); Коснуться ни забвение, ни трах./ И если б знал ты, как сейчас мне любы / Твои сухие, розовые **губы!** (А.Ахматова С.53); Туманом легким парк наполнился,/ И вспыхнул на воротах газ./ Мне только взгляд один запомнился / Незнающих спокойных **глаз** (А.Ахматова С.43); Было душно от жгучего света, / А **взгляды** его – как лучи. /Я только вздрогнула: этот / Может меня приручить...(А.Ахматова С.45).

Слова, содержащие в себе оттенок «отрицательности» - **рожа, физиономия, чудовище, тварь**: Мы широко по дебрям и лесам/ Перед Европой пригожей Расступимся!/ Мы обернёмся к вам / Своею азиатской

рожей! (А.Блок С.233); *Он в шинелишке солдатской с физиономией дурацкой/ Крутит, Крутит черный ус, / Да покручивает/ Да покручивает* (А.Блок С.234); *В моей душе лежит сокровище,/ И ключ поручен только мне!/ Ты право, пьяное чудовище!/ Я знаю: истина в вине* (А.Блок С.58); *Едва ль они насытятся / Одной живою тварью:/ Ваш образ тоже спрячется, / Мне будет не до вас* (Б.Пастернак С.365) вызывает у нас отрицательное отношение к человеку, обладающему этим качеством, даже в том случае, если речь идет о совершенно незнакомом нам человеке. Аналогичная (пейоративная) оценка заложена в словах лошадь и лошадка, например: *Всю жизнь скакал – с одной упорной мыслью,/ Чтоб первым доскакать./ И на скаку / Запнулась запыхавшаяся лошадь, / Уж силою ног не удержать седла* (А.Блок С.78); *По аллее проводят лошадок./ Длинные волосы расчесанных грив* (А.Ахматова С.26); *Открыл окно./ Какая хмурая/ Столица в октябре!/ Забитая лошадка бурая / Гуляет во дворе* (А.Блок С.68).

Не следует смешивать оценку и характеристику. Так, слова *впечатлительный, подвижный, уставший, заросший* по своему лексическому значению являются характеризующими, но оценочными (не в обыденном, а в строго лингвистическом толковании) их назвать, пожалуй, нельзя.

Средства выражения оценки различны. К ним можно отнести интонацию, оценочные конструкции: *Казалось, древность счастья облетает/ Казалось, лес закатом снов объят/ Счастливые часов не наблюдают/ Но те, вдвоем, казалось, только спят* (Б.Пастернак С.9); *Он приперт к стене ацетиленом,/ Втоптан в грязь, и, несмотря на то,/ Трын-трава и – море по колено..* (Б.Пастернак С.373); оценочные фразеологизмы - *Все живое беззаконье,/ Вся душевная бурда / Из зачатий и агоний/ В снеге, слякоти и звоне / Перед ним как на ладони,/ Ныне так же, как тогда* (Б.Пастернак С.389); определенные аффиксы - *Воздух седенькими складками падает* (Б.Пастернак С.94); *Я твой вечный раб,/*

Персияночка! Поляночка! / – Гуляй, гуляй, доченька, / Пока молода!... (М.Цветаева С.456); *Чтобы помнил не часочек, не годок/ Подарю тебе, дружочек, гребешок/ Чтобы помнили подружек, мил дружки / – Есть на свете золотые гребешки / Чтоб дружочку не пилось без меня/ - Гребень, гребень мой, расческа моя!* (М.Цветаева С.119) и, конечно, прямое и переносное значение слов. Обращенность тропа к изображаемому миру имеет в поэзии: Б. Пастернака, М.Цветаевой, А.Блока, А.Ахматовой устойчивый характер и прослеживается на протяжении всего их творчества. При помощи тропа, опирающегося на реалию, устанавливаются самые разнообразные смысловые связи. Прежде всего появляются сопоставления человека и окружающей обстановки: *И вот – теперь – дрожа от жалости и жара,/ Одно: завывать, как волк, одно: к ногам припасть / Потупиться – понять – что сладо-страстью кара/ – Жестокая любовь и каторжная страсть* (А.Блок С.105); *Я свет. Я тем и знаменит, / Что сам бросаю тень./ Я жизнь земли, ее зенит, / Ее печальный день* (Б.Пастернак С.12).

Используется и иной порядок расположения соотнесённых реалий – сначала идет изображение, опирающееся на реалии внешнего мира, а затем изображение внешнего мира и соответствующих реалий.

Если сравнить прямое оценочное значение слов с переносным значением, то нетрудно заметить, что производное значение характеризуется в отличие от прямого и образностью, и экспрессией.

Оценочность — категория функциональная. Номинативно - оценочная функция слова — это разновидность номинативной функции. Номинативно оценочную функцию выполняют слова, выражающие отношение к чему-либо. Интересно, что оценочность может развиваться и у слов, выполняющих указательную функцию, то есть у местоимений. Например, *Там – гул. Ни лечь, ни прикорнуть / По площадям летает трут./ Там ночь, шатаясь по корню,/ Целует уголь поутру/* (Б.Пастернак С.52); *О, как сердце мое тоскует! / Не сметного ль часа жду? / А та,*

что сейчас танцует,/ Непременно будет в аду (А.Ахматова С. 48); *Та гора была- миры! / Боги мстят своим подобием ...Горе началось с горы / Та гора на мне – надгробием* (М.Цветаева С.518); *Тот булавку враз / Ртом клыкастым – хватъ* (М.Цветаева С.366).

Так как оценочность представляет собой функциональную категорию, она меньше всего является «созначением» и тем самым отличается от эмоциональности и экспрессии.

Все оценочные слова вследствие их функциональной природы характеризуются своеобразным употреблением в тексте. Наиболее часто они встречаются в сказуемом, приложении. В других позициях они употребляются с вспомогательными элементами, например местоимениями – *Это – орлицей, синицей – то, / - Всяк по-иному меня зовет* (М.Цветаева С.61). С эмоциональностью тесно, органически связан компонент «оценочность». Можно сказать, что он является главным по отношению к эмоциональности, так как имеет социальный характер. Сами эмоции делятся на положительные и отрицательные именно в зависимости от социальной оценки явления, вызывающего их.

Социальные оценки соотносятся с понятием нормы, совокупностью правил, определяющих оптимальный статус общественной жизни. Положительные и отрицательные оценки располагаются на горизонтальной шкале как выше- и нижележащие относительно средненормативных параметров, например: *рукодельница* (положит.)— *неумеха* (отрицат.); *изумительный* (положит.) — *омерзительный* (отрицат.); *необыкновенное* (положит.) - *ехидное* (отрицат.).

Оценке подлежат, прежде всего, сами люди (*живодер, мародер, барыня, дура, баба, карлик, кобыла, подлец, бес*), их поведение (*пьянствовать, взвыл, как собака, доносить, блудить, глумиться, хохотать*), продукты их деятельности (*трясня, мятеж, одичать*), различные социальные явления (*грызня, показуха, иллюминация*).

Об органической близости эмоциональности и оценочности свидетельствуют данные словарей, в которых нет специальных оценочных помет, а есть только эмоциональные, которые одновременно указывают и на характер оценки. Положительная оценочность заключена, например, в таких пометах, как ласкательное (*цыганенок, островок, окошко, губки, пенёк, пташечка, щелочка, доченька*), шутливое (*Девки Безносой, А.Ахматова*); отрицательная — в пометах презрительное (*дурак, баба, чудовище, тварь, гад*), пренебрежительное (*толстоуз, старуха*), неодобрительное (*дураки, мамаша, папаша*).

Ирония представляет собой сложное явление, она как бы заключает в себе и одобрение и неодобрение, но в скрытом, неявном виде, например: слова, даваемые с пометой ироническое - *пришельцы: Не впервые встречаюсь я с ним./ Он - безликий и странный пришлец. / Задрожали бы все перед ним, / т Мне же - радостен бледный мертвец* (А.Блок «Целый день - суета у могил /Январь 1902/).

А также в данном контексте встречается краткая форма прилагательного «радостен», который используется в качестве предиката. Автор в данном отрывке определяет себя как объект действия, а субъектом действия является мертвец. Автор показывает своё отличие от других, он противопоставляет себя другим, потому что ему радость приносит встреча с мертвецом, как со старым другом.

Органическая спаянность эмоциональных и оценочных компонентов оправдывает их объединение в одном эмоционально-оценочном компоненте.

Таким образом, оценочность может быть компонентом понятийной части лексического значения, например: *зачинщик* — «инициатор плохого дела», а *запевала* — «инициатор хорошего». В таком случае соответствующая эмоциональная оценка как бы дублирует эти семы в рамках коннотации; в отличие от таких слов, в понятийной части которых

нет явно оценочных сем, оценка представлена только как часть коннотации, например в словах *голословный, демагогический* и т. д.

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ

Сопоставительный анализ художественно текста представляет интерес не только для литературоведа, но и для лингвиста. Поэт, описывая модель своего мира, несомненно, прибегает к языку. Мир, который нам представляет поэт – это его собственный «возможный» мир и фрагмент национальной картины, в котором представлены эмоции, национальный язык в идиолекте. Хотя они могут быть и не совсем тождественны друг с другом. Активным выражением эмоций является межличностное общение на русском языке. «Русская культура относит вербальное выражение эмоций к одной из основных функций человеческой речи».¹

Проблема эмотивности (взаимосвязь эмоции и языка) актуальна и в настоящее время. Лингвисты уделяют много внимания этой проблеме, так как долгое время они занималась в основном вопросами интеллектуального в языке, игнорируя тот факт, что именно эмоции регулируют процессы поведения и определяют то, как человек интерпретирует окружающий мир, воспринимает и порождает речь.

Мы акцентировали наше внимание на поэтическом тексте, так как именно текст облигаторно воспроизводит эмоциональную жизнь людей; аффектация чувств и эмоциональный контакт являются целью речевой деятельности большинства людей. При прямом контакте с поэтическим текстом не наблюдается категория эмоциональности, она проявляется с помощью языковых знаков, которые наблюдаемы, материальны и служат для передачи эмоционального состояния поэта.

В.Шаховский выдвигал свой взгляд по отношению к эмоциям. Его положение основывалось на том, что «эмоция обязательно выражается невербально, непосредственно при ее переживании, а адекватное

¹Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - М.: Русские словари, 1996. -С.34.

обозначение эмоции в языке нередко оказывается затруднительным, что объясняется нечетким денотатом эмоции».¹

Эмоциональность как один из компонентов коннотации (экспрессивности в широком смысле слова) служит для выражения эмоционального отношения, которое чаще всего бывает оценочным, к тому, что названо словом. Все, что окружает людей – это и есть объект познания и наименования, которое вызывает у них то или иное отношение, в формировании которого в одинаковой степени участвуют разум человека и его эмоции, ибо без человеческих эмоций никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины.

Разум – это орудие формирования объективной, понятийной части слова, а чувства находят свое отражение в его коннотативном и субъективном значении.

Эмотивный компонент значения не является единственным способом выражения эмоций. Их класс могут пополнить и нейтральные слова, называющие различные виды эмоций (печаль, тоска, радость, удивление), а также различные служебные части речи: междометия, частицы, слова категории состояния, не несущие в себе отпечаток номинативности, служат средством выражения эмоционального состояния.

В свою очередь лексический состав русского языка весьма богат и может выделить ряд слов, называющих эмоции: страх, ужас, тоска, радость, блаженство. Ядро значения этих слов составляет то или иное эмоциональное наполнение этих, а не созначение, которое позволяет нам не приписывать подобным словам в качестве коннотативного признака эмоциональность. Междометия являются сигналами наших чувств. В отличие от вышеназванных слов они не называют, а выражают эмоции. Однако основную долю эмоций мы выражаем не при помощи

¹ Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Волгоград: «Перемена», 1995.-С. 104.

специализированных слов-сигналов, а параллельно, совместно с передачей информации. Ведущая роль здесь принадлежит интонации.

Эмоциональность - возможный коннотативный признак в значении слова и его можно разделить на три группы слов:

Среди знаменательных частей речи следует отметить, что в наибольшем количестве встречаются имена существительные. Эти существительные можно разделить на три группы:

1. Существительные, перешедшие из имён прилагательных при этом, получив стилистически-сниженную окраску (хворая, милый, нищий, больной): *Бесшумно ходили по дому, / Не ждали уже ничего./ Меня привели к **больному**, / И я не узнала его* (А.Ахматова);

2. Существительные, в которых эмоциональность заложена в определенных суффиксах уменьшительности от стилистически нейтральных слов: *посошок, прудок, карасиха, башенка, ветерок, льдинка, огонёк, островок, кровушка, лисинята, шубки, губки, чудовище, мальчишке, башмачок, монашенка, лебеденок, воробышком, сестрица, подруженька, деньки, лебедёнок, рученьки, голубка, жемчужинка, ноженька, дороженька* и т. д. Например, *Пусть несут тебя **ноженьки** / Не к дружку твоему - / Непроезжей **дороженькой**-/ В непоглядную тьму* (М.Цветаева С.99); *Ах! Кто-то взял на память/ Мой белый **башмачок*** (А.Ахматова С.49) - *Спи **подруженька** Неугомонная,/ Спи **жемчужинка**, Спи бессонна ... Вот и выпущены из рук/ Твои **рученьки*** (М.Цветаева С.62); *Намокшая **воробышком**/ Сиреневая ветвь!* (Б.Пастернак С.41); *Не **пастушка**, не королева / И уже не **монашенка** я -/ В этом сером, будничном платье* (А.Ахматова С.64); *Как тихий хрип, / Как хрип: «Испить, **Сестрица**»* (Б.Пастернак С.55); *Только ставши лебедем надменным,/ Изменился серый **лебедёнок*** (А.Ахматова С.65); *Ах, золотые **деньки!*** (М.Цветаева С.37); *Горькую **обновушку** / Другу шила я / Любит, любит **кровушку** / Русская земля («кровушка» - разг. «уменьшительное к*

сущ.: кровь»);¹ *Ещё струится холодок,/ Но с парников снята рогожа./ Там есть прудок, такой прудок / Где тина на парчу похожа* («прудок» - разг. «уменьшительное к сущ.: пруд»)² (А.Ахматова).

3. Существительные, имеющие стилистически-сниженную окраску в прямом значении (*девчонка, плющ, клещ, сборище, плясунья, солдатка, отравка, кликуша, босота, постни*), например: - *Меня покинул в новолунье/ Мой друг любимый./ Ну, так что ж? Шутил: / «Канатная плясунья! / Как ты до мая доживешь?»* («плясунья» - (разг.) «жен. к сущ.: плясун, тот кто может плясать»)³ (А.Ахматова); *Плющом впились, Клещом: вырывайте с корнем!* (М.Цветаева «Поэма конца»).

Эмоциональность слова не предопределена особыми аффиксами, а сопровождается значением слова: *кровопийцы, мерзавец, уроды* - *Вас заметили уроды, / - Грузные, в шесть этажей* (М.Цветаева С.37); *И, крича: «Не мучьте!/ Кончайте, кровопийцы!» / - Потянулись с дрожью в руки палачей* (Б.Пастернак С.393); - *Что нам взапуски бегать!/ Да стой же, мерзавец!* (Б.Пастернак С.352).

Глаголов со стилистически-сниженной окраской встретилось немного, например: *О, не об номера ж мараться/ По гроб, до морга!* (Б.Пастернак С.43); *Ты вправе, вывернув карман,/ Сказать: ищите, ройтесь, шарьте* (Б.Пастернак С.104); *И не знать, что от счастья и славы/ Безнадёжно драхлеют сердца* (А.Ахматова С.61); *Он сказал: «Теперь слава Богу,/ - И еще задумчивей стал./ - Давно мне пора в дорогу, / Я только тебя поджидал* (А.Ахматова С.61).

Анализ практического материала показал, что все эти слова можно прочитать с подчеркнута нейтральной интонацией, но речь сейчас идет о таком прочтении, интонация которого определяется значением слова, в

¹ Словарь русского языка/ АН СССР, Ин-т рус. яз./ Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4-х т. – М.: Русский язык, 1981-1984. (МАС). – С.578.

² Там же, -С.599.

³ Там же, -С.561.

результате чего эти слова воспринимаются говорящими как эмоциональные.

ВЫВОД ПО II ГЛАВЕ

Во второй главе нами было проведено исследование в соответствии с определением термина «эмоции», проанализированы и классифицированы лексические единицы, содержащиеся в тексте русской поэзии XX века.

Анализ лингвистической литературы показывает, что существует множество концепций и взглядов на природу и классификацию лексических единиц. И взамен многим классификациям мы предлагаем собственную классификацию эмоций, разработанную с учетом их зависимости от величины потребности и размеров дефицита или прироста прагматической информации. Приступая к классификации эмоций, мы не упустили из виду, что они уже определенным образом смоделированы и классифицированы в самом языке, которым мы пользуемся.

Некоторые лингвисты полагали, что наибольшее значение имеет разделение эмоций на высшие и низшие. Высшие (сложные) эмоции, или чувства, возникают в связи с удовлетворением общественных потребностей. Они появились в результате общественных отношений, трудовой деятельности. Сюда относятся чувства любви, радости, восторга, счастья, торжества и другие. К низшим эмоциям относятся чувства гнева, негодования, ярости, бешенства, страха, настороженности, ужаса и другие.

Анализ эмоционально-оценочной лексики, используемой в русской поэзии XX века, позволил нам выделить класс эмоций с тремя подгруппами: отрицательные, положительные и неопределенные, которые в свою очередь делятся еще на подгруппы.

Классификация эмоционально-оценочной лексики – чрезвычайно сложное явление, изучение которого требует тщательного исследования творчества поэта, а также использования данных других наук – лексикологии, грамматики, стилистики, психологии и т.д.

Следует разграничивать между собой такие понятия как «эмоциональность» и «оценочность». Оценочность представляет собой

функциональную категорию, тем самым отличается от эмоциональности и экспрессии. Органическая спаянность эмоциональных и оценочных компонентов оправдывает их объединение в одном эмоционально-оценочном компоненте.

Лексические единицы, выражающие эмоции поэтов XX века, являются богатством русского языка. Они не только отражают чувства, желания, но и помогают сделать речь наиболее выразительной и эмоциональной.

ГЛАВА III. СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

3.1. Метафора как средство создания экспрессии в поэтическом тексте

Метафора в поэтическом тексте является неотъемлемой и действенной формой создания эмоциональной лексики. Правильность восприятия метафоры требует определенного навыка, который может быть выработан путем тщательного и корректного лингвистического анализа метафорических образований в поэтических произведениях. Л.Ф.Тарасов в своей статье проанализировал большое количество произведений, в результате чего определил 4 приема объяснения метафор, встречающиеся в индивидуально-авторской речи поэтов: собственно метафора, метафора-сравнение, метафора-перифраз, метафора – символ, которые мы приняли за основу и дополнили другими приемами, используемые в поэзии XX века. Поэту важно выразить свое восприятие и понимание какого-либо явления так, чтобы вместе с ним сопереживал и сам читатель. Для достижения этой цели многие поэты используют метафору. Метафора основана на сопоставлении природных явлений с человеческой душой, что, с одной стороны, позволяет упростить, материализовать философско-этическую мысль о полноте самораскрытия, самоотдачи, а с другой стороны дает возможность углубить и расширить ее.

Для читателя, способного сопереживать с автором чему-то неодушевленному, которое перестает быть предметом, а просто напросто превращается в предмет или явление чудесного воскрешения. Именно стихотворения относятся к числу наиболее цельных и художественно выразительных произведений, созданных поэтом.

Анализ метафорической системы поэтических произведений русской поэзии XX века показывает зависимость их композиционной структуры от семантической наполненности образов. Отказ автора от одного из компонентов стихотворения – некоего вывода, изложенного обычно с

определенной долей категоричности, - усложняет понимание смысла произведения, но, с другой стороны, вся смысловая нагрузка падает на метафорический образ.

Стихотворение, структура которого представляет собой единый образ, выраженный метафорой, имеет несколько пластов восприятия. Первичное восприятие стихотворения – чисто внешнее. Следующий этап проникновения в суть произведения предполагает у читателя возникновение ассоциативного ряда, навеянного данным образом, причем этот ряд может быть достаточно широким, связанным только самой общей, определяющей идеей стихотворения. Основная же мысль произведения становится понятной при знакомстве с творчеством поэтов XX века, композиционным решением их стихотворений, главными темами творчества.

Метафора увеличивает смысловую емкость произведения, является определяющим средством выражения поэтической мысли.

Экспрессивные средства играют особую роль в поэтическом произведении, так как для них существует гораздо меньше ограничений: красота слога позволяет выражать свое отношение к предмету речи более патетично, иногда – даже более экзальтированно, в отличие от прозаического, иное употребление и соединение слов выглядело бы нарочитым, неискренним. Чаще всего в поэтическом тексте используется метафора. При этом для поэзии XX века характерна произвольность ассоциаций, образов, рожденных иногда простым созвучьем, иногда рифмой, иногда случайным поводом. Случайность в поэзии становится почти законом. Вот почему, кажется, ведут поэтическую мысль не сами поэты, а что-то внешнее — то ли слово, то ли ассоциации, вызываемые предметами, действиями, то ли сама природа, которая занимает в их поэзии исключительно важное место.

Действительность через свою вторичность возрождается в творчестве поэта в новой, поэтической сущности. И действительно, мир

для Б.Пастернака, А.Ахматовой, А.Блока, М.Цветаевой состоит из чудес, чудес одушевления неодушевленного, воскрешения омертвевшего и исконно мертвого, получившего человеческий разум не только предмета, но и любого явления.

Поэзия стремится к тому, чтобы усилить все формы поэтического воздействия,— усилить их гиперболизацией чувств, ассоциаций, метафорического языка, образной системой самой динамики явлений и изображения.

Метафора в поэзии повышает точность поэтической речи и ее эмоциональную выразительность. Анализ ряда примеров позволил классифицировать метафору в поэзии XX века следующим образом:

1. Лексическая метафора, или стертая, в которой прямое значение полностью уничтожено: *Сырое утро ежилось и дрыхло, / Бросался ветер кобьями в окно; / Три дня тоска, как призрак криволицый, / Уставясь вдаль, блуждала среди тюков* (Б.Пастернак); *Ты перед ним - что стебель гибкий, / Он пред тобой - что лютый зверь. / Не соблазняй его улыбкой, / Молчи, когда стучится в дверь.* (А.Блок); *То змейкой, свернувшись клубком, / У самого сердца колдует, / То целые дни голубком / На белом окошке воркует* (А.Ахматова «Любовь»).

2. Простая метафора - построенная на сближении предметов или по одному какому-либо общему признаку у них: *Тут горбились задворки института, / Катились градом балки, камни, пот, / И, всюду сея мусор, точно смуту, / Ходило море земляных работ; Разгневанно цветут каштаны; / Гроза в воротах! На дворе! / Преображаясь и дуря / Во тьме, в раскатах, в серебре, / Она бежит по галерее* (Б.Пастернак); *Улица, улица... / Тени беззвучно спешащих / Тело продать, / И забвенью купить, / И опять погрузиться / В сонное озеро города — зимнего холода.* (А.Блок); *Пустых небес прозрачное стекло, / Большой тюрьмы белесое строенье / И хода крестного торжественное пенье / Над Волховом, синеющим светло* (А.Ахматова); *И перья страуса склоненные / В моем качаются мозгу, / И*

очи синие бездонные/ Цветут на дальнем берегу. (А.Блок); Зардевшийся под оплеухую славы /— Бледнеет,- Домой, трубачи! (М.Цветаева «О тяжесть удачи!»).

3. Реализованная метафора - буквальное понимание значений слов, составляющих метафору, акцентирование прямых значений слов: *Где-то с шумом падает вода;/ Холодным утром солнце в дымке/ Стоит столбом огня в дыму. (Б.Пастернак); Я думаю о том, как Ваши брови/ Сошлись над факелами Ваших глаз (М.Цветаева); У меня сегодня много дела:/ Надо память до конца убить,/ Надо, чтоб душа окаменела, / Надо снова научиться жить (А.Ахматова);*

4. Развернутая метафора - распространение метафорического образа на несколько фраз или на все произведение: *Барка жизни встала/ На большой мели. (А.Блок); И вот заря теряет стыд дочерний (Б.Пастернак); Болотистым, пустынным лугом/ Летим. Одни./ Вон точно карты, полукругом/ Расходятся огни./ Гадай, дитя, по картам ночи,/ Где твой маяк...(А.Блок); Заря из сада обдавала стекла/ Кровавыми слезами сентября (Б.Пастернак).*

5. Метафора-лицетворение представляет собой перенесение свойств одушевлённых предметов на неодушевлённые. Этот процесс весьма часто применяется при изображении природы, которая наделяется теми или иными человеческими чертами: *Дождь дороги заболотил, / Ветер режет их стекло, / Он платок срывает с ветел / И стрищет их наголо (Б.Пастернак); И откуда приходит к нам радость,/ И откуда плывет Тишина?; Волновать меня снова и снова / – В этом тайная воля твоя,/ Радость ждет сокровенного слова,/ И уж ткань золотая готова,/ Чтоб душа засмеялась моя. (А.Блок «Пляски осенние»); «Как белое платье пело в луче...» (А.Блок «Девушка пела в церковном хоре...»); *Бежит тропинка с бугорка,/ Как бы под детскими ногами,/ Все так же сонными лугами/ Лениво движется Ока (М.Цветаева); Как летом роем мошкара/ Летит на пламя,/ Слетались хлопья со двора/ К оконной раме./**

Метель лепила на стекле/ Кружки и стрелы./ Свеча горела на столе, / Свеча горела. (Б.Пастернак «Зимняя ночь»).

6. Метафора – сравнение (троп в тропе) образуется, когда тот или иной признак прямого значения становится основанием для сближения и сравнения двух предметов, каждый из которых назван в тексте: И сон, как отзвук колокола, смолк (Б.Пастернак); *Орлом озирая местность* («Поэма конца»); *...Одного безумия Уст – достаточно, чтобы львом виноградники заворочались, лаву ненависти струя* (М.Цветаева «Поэма горы»); *Сестра моя - жизнь сегодня в разливе/ Расшиблась весенним дождем обо всех,/ Но люди в брелоках высоких брюзгливы,/ И вежливо жалят, как змеи в овсе* (Б.Пастернак); *Дышу - и думаю радостный:/ "В этом теле я видел дрожь"./ И трепет объемлет сладостный,/ На полу - окровавленный нож.* (А.Блок /Июль 1902/); *Давай ронять слова,/ Как сад - янтарь и cedру,/ Рассеянно и щедро,/ Едва, едва, едва* (Б.Пастернак); *Вещи вьюги кружили вдоль жил,/ — Плечи сутулые гнулись от крыл,/ В певчую прорезь, в запекшийся пыл/ — Лебедем душу свою упустил!* (М.Цветаева «Други его — не тревожьте его!»).

7. Генитивная метафора способствует тому, что художественный текст наделяется качествами экспрессивности и эмоциональности и служит углублению смысловой нагрузки фразы: *Вон, точно карты, полукругом расходятся огни./ Гадай, дитя, по картам ночи,/ Где твой маяк* (А.Блок); *И слава лебедью плыла/ Сквозь золотистый дым./ А ты, любовь, всегда была/ Отчаяньем моим.* (А.Ахматова «И слава лебедью плыла...»); *Помедлим у реки, полощущей/ Цветные бусы фонарей./ Я доведу тебя до площади* (М.Цветаева); *Я думаю о том, как Ваши брови/ Сошлись над факелами ваших глаз/ О том, как лава древней крови/ По Вашим жилам разлилась.* (М.Цветаева «Байрону»); *Нас — нам казалось — насмерть раня/ Кинжалами зеленых глаз,/ Змеей взвиваясь на диване!... / О, сколько раз./ С шипеньем раздраженной кобры,/ Он клял вселенную и нас,/ — И снова становился добрый...* (М.Цветаева «Чародей»).

8. Метафора-символ формируется путем закрепления за определенным словом или словосочетанием содержательного отвлеченного характера благодаря некоторым признакам и ассоциациям, возникающие в прямом значении слова или словосочетания: *Мыслью сонной цветя, ты блаженствуешь много, / Ты лазурью сильна. Мне - другая и жизнь, и другая дорога, / И душе - не до сна.* (А.Блок); *Рябина – горькая / Судьбина русская / Рябина / – Седыми, спусками... / Рябина! / Судьбина Русская* (М.Цветаева); *Теряет берег очертанья. / Плыви, челнок! / Плыви вперед без содроганья / — Мой сон глубок. / Его покоя не нарушит / Громада волн, / Когда со стоном вниз обрушит / На утлый челн. / В тумане чистом и глубоком, / Челнок, плыви! / Все о бессмертья в сне далеком / Мечты мои* (А.Блок); *Как белый камень в глубине колодца, / Лежит во мне одно воспоминанье. / Я не могу и не хочу бороться: / Оно - веселье и оно - страданье* (А.Ахматова «Как белый камень в глубине колодца»); *Пусть ночь. / Домчимся. / Озарим кострами / Степную даль* (А.Блок); *Трава на просеке сосновой / Непроходима и густа. / Мы переглянемся и снова / Меняем позы и места* (Б.Пастернак «Сосны»); *Еще бездомней, / Ещё страшнее жизни мгла* (А.Блок).

9. Метафора-перифраз – представляет собой переименование, основанное на общности некоторых признаков значения слова или словосочетания и предмета, исходное название которого в тексте отсутствует. Многие перифразы придают яркую эмоционально-экспрессивную окраску тексту: *Над озером скрипят уключины, / И раздается женский визг, / А в небе ко всему приученный бессмысленно кривится диск* (А. Блок); *А надо мной спокойный и двурогий / Стоит свидетель... / О, туда, туда, / По древней по Подкапризовой дороге, / Где лебеди и мертвая вода.* (А.Ахматова); *И месяц холодный стоит, не сгорая, / Зеленым серпом в синеве* (А.Блок; неточная перифраза зеленый серп отражает несущественные признаки объекта – его цвет и форму); *Имя твое — птица в руке, / Имя твое — льдинка на языке, / Одно единственное*

движенье губ, / Имя твое — пять букв. / Мячик, пойманный на лету, / Серебряный бубенец во рту, / Камень, кинутый в тихий пруд, / Всклипнет так, как тебя зовут (М.Цветаева); В пыльный город небесный кузнец прикатил/ Огневой переменчивый диск (А.Блок; самостоятельная перифраза, контекст подсказывает, что речь идет о солнце, хотя перифразируемое слово отсутствует); Там, где поступью величавой/ Ты прошел в снеговой тиши, / Свете тихий, святая славы, / Вседержитель моей души (М.Цветаева); Город во мгле засыпает, / Серп серебристый возник... (М.Цветаева); Что мерещится им в лунном круге? (А.Ахматова); Месяц по небу катился – злоеущий фонарь (А.Блок; ср.: месяц – фонарь); А надо мной спокойный и двурогий/ Стоит свидетель (А.Ахматова, поэтическая перифраза – спокойный двурогий свидетель); Если плещется лунная жуть, / Город весь в ядовитом растворе (А. Ахматова; оценочная перифраза, негативная оценка лунного света).

10. Метафора-обращение: *Опустишь, занавеска линиялая, / На больные герани мои. / Сгинь, цыганская жизнь небывалая, / Погаси, сомкни очи твои! (А.Блок); Прижмись ко мне крепче и ближе, / Не жил я - блуждал среди чужих... / О, сон мой! Я новое вижу / В бреду поцелуев твоих! (А.Блок «Демон»); В вас ли доброе таится, / Красный месяц, тихий шум? (А.Блок «В день холодный, в день осенний» 12 мая 1901 года); Тихое, долгое, красное зарево (А.Блок «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?» 28 февраля 1910 года) Гасни, гасни свет, пролейся мгла (А.Блок «Шлейф, забрызганный звездами...» сентябрь 1906 года).*

Подводя итог нашим наблюдениям над особенностями поэтической сочетаемости метафор М. Цветаевой, мы можем говорить о том, что сочетаемость таких метафор отражает индивидуальные ассоциативные связи в воображении поэта.

В качестве специального направления исследования индивидуально-авторской метафоры выбран аспект изучения метафоры, рассматривающий индивидуально-поэтическую сочетаемость компонентов метафоры. Такой

подход позволяет получить сведения о влиянии индивидуально-поэтической сочетаемости на процесс метафоризации.

Изучение сочетаемости метафор в поэтическом тексте XX века связано с анализом лексико-семантических групп как метафоризируемых, так и метафоризирующих компонентов метафоры, по каждому из которых можно судить о направлениях метафорического процесса. Это позволило нам условно разделить их на 10 групп. Тематическая классификация метафор в таком объеме ранее не производилась и предлагается нами впервые. И это является одним из продуктивных способов описания значения слова в поэтической речи.

3.2. Метонимические переносы в текстовом пространстве русской поэзии XX века

Говоря о выборе анализируемых в исследовании лексических средств, следует отметить следующее, что кроме метафоры неугасающий интерес направлен еще на одно изобразительное средство как метонимия.

Языковой, семантический механизм образования метонимии, в отличие от семантических механизмов образования метафор, основан на синтагматических законах. Метонимические преобразования значения правомерно рассматривать как имплицативные, когда одни смыслы выходят на передний план, в ядерную зону, а другие отступают на задний план, в зону периферии. Общим метонимическим принципом является взаимопроникновение объектов. Эта их теснейшая связь, действие внутри одного денотативного пространства позволяют метонимии фиксировать не только поверхностные, внешние связи между явлениями, но и более глубокие, внутренние. При этом отмечается общая устойчивая тенденция вытеснения внешних объектов:

Иду вдоль крепостных валов,
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов (М.Цветаева).

В данном контексте лексема безнадежность заменяет целую синтагму: я, испытывая чувство безнадежности, (ищу слова). Сема 'чувство', занимая ядерную позицию, «закрывает» значения остальных лексем, выступающих в виде импликаций. Субъект уходит на второй план и при этом персонифицируется само чувство, как бы заполняя все пространство. Тем самым подчеркиваются его масштабы, степень остроты переживаний, их интенсивность.

Существует ряд факторов, влияющих на усиление эмоциональности и оценочности метонимий.

1) Сложная, неоднозначная структура метонимического переноса, когда степень смежности соотносимых предметов не столь очевидна, увеличение количества «метонимических шагов»:

Мимо ночных башен Площади нас мчат (М.Цветаева).

В данном случае метонимия площади предполагает следующие «шаги» переноса: машина > дорога > площади.

2) Увеличивать экспрессивный заряд традиционных метонимий способны определения:

И те же ласки, те же речи,

Постылый трепет жадный уст,

И примелькавшиеся плечи... нет!

Мир бесстрастен, чист и пуст! (А.Блок).

3) Значительно более экспрессивной, образной становится метонимия в сочетании со сравнением:

Тот август, как желтое пламя,

Пробившееся сквозь дым,

Тот август поднялся над нами,

Как огненный серафим (А.Ахматова).

Значительно повышается уровень эмоциональности и оценочности в тропах, где метонимия сочетается с метафорой:

а) периферия – с преобладанием признака метафоры:

А за глухим забором – ипподром

Под солнцем зеленел.

Там стебли злаков

И одуванчики, раздутые весной,

В ласкающих лучах дремали... (А.Блок);

б) периферия – с преобладанием признаков метонимии:

Тесно – и плечо с плечом

– Встали в молчанье.

Два - под одним плащом

– Ходят дыханья (М.Цветаева)

в) периферия, в которой наблюдается равенство метафорических и метонимических элементов:

Погасло небо осеннее

И розовый небосклон.

А я считаю мгновения

И думаю: где же сон? (А.Блок «Давно хожу я под окнами»);

г) периферия, в которой на перекрестке метафоры и метаморфозы возникает автометафора - метафорическая самоидентификация поэта, проливающая некоторый свет на психологию творчества:

Зеленею, таинственный клен,

Неизменно склоненный к тебе.

Теплый ветер пройдет по листьям,

Задрожат от молитвы стволы... (А.Блок).

Выше подчеркивалось, что метафора выделяет сущностный, а следовательно, и постоянный признак объекта, между тем как сравнение и особенно метаморфоза обращают внимание скорее на преходящее подобие или эпизодическое "превращение". Помимо сложных тропеических образований, где сочетается метафора и метонимия, был рассмотрен еще один тип образований, который также составляет зону синкретизма – «метонимия/перифраз» (развернутая метафора) - целый иносказательный оборот речи, в основе которого лежит метонимия:

Я шел во тьме дождливой ночи

И в старом доме, у окна,

Узнал задумчивые очи моей тоски.

– В слезах, одна она смотрела в даль сырую... (А.Блок).

Без лекаря снимает швы, -

Знай, что от сердца - голова есть,

И есть топор - от головы...

(М.Цветаева «Заря пылала догорая...»)

4) метонимические переносы со значением цвета – экспрессивная оценка цвета:

А) черный связан с утратой и страданием, опирается на традиционную символику цвета скорби. Например, у А.Блока:

И проникало в тишину
Моей души, уже безумной,
И залила мою весну
Волною черной и бесшумной

В этом стихотворении говорится о думе, которая терзает поэта (Я медленно сходил с ума...) или Надо мной небосвод уже низок / Черный сон тяготеет в груди. (Разгораются тайные знаки...) - о тяжелом, гнетущем душу чувстве

Б) Белый - это цвет невинности и чистоты. Он символизирует чистоту помыслов, искренность, юность, неиспорченность, неискушенность.

Символ «белый» находит свое непосредственное отражение в стихах А.Ахматовой:

Как белый камень в глубине колодца, /
Лежит во мне одно воспоминанье («Как белый камень в глубине колодца», 1916).

В) серый - символ тоски, безысходности и душевной опустошенности. У Б. Пастернака субстантив серость с цветовым значением, являясь членом однородного ряда «осень, серость, старость, муть», семантически абстрагируется в составе обобщенного поэтического образа, в основе которого лежит впечатление, связанное не только со светоцветовыми признаками, но и с характеристиками эмоционально-психологического плана:

«Светаёт. Осень, серость, старость, муть.
Горшки и бритвы, щетки, папильотки.
И жизнь прошла, успела промелькнуть,
Как ночь под стук обшарпанной пролетки» («Вступление»).

Все стихотворения русской поэзии XX века насыщены цветом. Цвет – это живое движение красок, ими создается атмосфера красочности. Для создания своих символов поэты постоянно используют цвет, что обусловлено изначально присущими цвету свойствами символа и способностью порождать массу ассоциаций.

В русской поэзии XX века поэты максимально использовали метонимию. Они выдвинули принцип «локальности», который означал мотивировку речевых средств идеей произведения, ограничивая их зависимостью от темы. Однако метонимия не может быть противопоставлена метафоре. И метонимия, и метафора дополняют друг друга, устанавливают связи между явлениями и обогащают язык произведения.

При этом отмечается, что у данных тропов гораздо больше общих свойств и что ввести необходимое для шкалы переходности количество дифференциальных признаков в отношении данных синкретичных образований не представляется возможным. Тем не менее, в отношении создания выразительности и тот, и другой тип сложных тропеических образований очень перспективен, поскольку отличается особой образностью и всегда обладает немалым зарядом экспрессивности.

Таким образом, метонимические переносы в текстовом пространстве русской поэзии XX века значительно повышают уровень эмоциональности и оценочности, позволяя при этом рассматривать поэтический текст с позиции индивидуально-авторского толкования его лексических единиц.

3.3. Использование лексических антонимов в поэтическом тексте

XX века

Антонимы – это слова одной и той же части речи, противоположные по значению (черный — белый, маленький — большой, прекрасно — ужасно), также обладают большими выразительными возможностями.

В свою очередь существуют и контекстуальные антонимы, значение которых позволяет:

Во-первых, уточнить мысль, сделать ее образнее и ярче:

И сердце то уже не отзовется

На голос мой, ликуя и скорбя.

Все кончено... И песнь моя несется

В пустую ночь, где больше нет тебя (А.Ахматова «И сердце то уже не отзовется...»);

Полюбил богатый - бедную,

Полюбил ученый - глупую,

Полюбил румяный - бледную,

Полюбил хороший - вредную,

Золотой - полушку медную (М.Цветаева);

Во-вторых, дать полную характеристику какого-либо явления:

Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне,

Где-то месяц светит?

Где-то светит солнце?

Вон вдали блеснула ясная зарница,

Вспыхнула - погасла, не видать во мраке,

Только сердце чует дальний отголосок (Б.Пастернак);

В-третьих, выразить авторскую оценку обозначаемого:

Но почти у края гроба

Верю я: придет пора –

Силу подлости и злобы

Одoleет дух добра (Б.Пастернак);

Жив, а не умер демон во мне (М.Цветаева);

В-четвертых, усилить передаваемое содержание:

Что Чингис-Хан ей и о — Орда!

Два на миру у меня врага,

Два близнеца, неразрывно-слитых:

Голод голодных — и сытость сытых! (М.Цветаева «Если душа родилась крылатой...»);

В-пятых, передать душевное состояние человека через описание его физического состояния:

Я знаю: он с болью своей не сладит,

С горькой болью первой любви.

Как беспомощно, жадно и жарко гладит

Холодные руки мои. (А.Ахматова «Как это больно!..»).

Изображая эмоциональное состояние человека, во многих случаях поэты пользуются антонимами, выражающими счастье - горе, радость - печаль, грусть - веселье, смех - плач и др. С их помощью они не только передают динамику состояния героев, смену противоположных эмоций, контрастное мировосприятие героев, но и глубину их переживаний. Например:

И сердце то уже не отзовется

На голос мой, ликуя и скорбя.

Все кончено... И песнь моя несется

В пустую ночь, где больше нет тебя (А.Ахматова).

Подобное изображение внутреннего мира человека свойственно поэтам XX века. Анализ стихов А.Блока, А.Ахматовой, М.Цветаевой, Б.Пастернака показывает, что эти поэты также часто привлекали антонимы, чтобы передать сложность, глубину и противоречивость человеческой души. Это позволяет установить, что в русской поэзии начала XX века утвердился определенный психологический тип героя,

восходящий к традициям лермонтовской лирики. Объяснить это можно не только силой традиции, но и наличием некоторой общности в душевном складе таких разных поэтов, как А.Блок, А.Ахматова, М.Цветаева, Б.Пастернак, а также характером того времени, в котором они жили.

Более ярко антонимы раскрывают противоречивость чувств, взаимоотношение героев в тех случаях, когда используются для выражения темы любви. Например:

Для того ль тебя я целовала,
Для того ли мучилась, любя,
Чтоб теперь спокойно и устало
С отвращеньем вспоминать тебя? (А.Ахматова).

В силу своей контрастности значений, лексические антонимы всегда привлекают внимание читателя, а также являются одним из наиболее ярких выразительных средств языка и речи. При использовании антитезы и оксюморона в поэтическом тексте, сила их воздействия основывается на различных моментах: если в антитезе противопоставление понятий, образов доведено до максимума, и именно их полярность является «агентом экспрессии», то в оксюморе противопоставление сливается в единое целое, общее для обоих составляющих его элементов.

При противопоставлении узуальных антонимов выразительность текста может усиливаться за счет дополнительных средств:

А) трансформации значения:

И к вздрагиваньям медленного хлада
Усталую ты душу приучи,
Чтоб было здесь ей ничего не надо,
Когда оттуда ринутся лучи (А.Блок);

Б) употребления противопоставленных слов с определениями:

Мне все твоя мерещится работа,
Твои благословенные труды:
Лип, навсегда осенних, позолота

И синь сегодня созданной воды (А.Ахматова);

В) включения антонимов в сравнительные обороты:

Уравнены: как да и нет.

Как черный цвет - и белый цвет.

Как в творческий громовый час:

С громадою Кремля - Кавказ. (М.Цветаева)

Д) повторов:

Пью горечь тубероз, небес осенних горечь /

И в них твоих измен горящую струю. /

Пью горечь вечеров, ночей и людных сборищ, /

Рыдающей строфы сырую горечь пью (Б.Пастернак).

При создании антитезы на базе контекстуальных антонимов члены оппозиции могут выражаться словами разных частей речи, одиночными узуальными и окказиональными лексемами, словосочетаниями и предложениями:

Мело, мело по всей земле

Во все пределы.

Свеча горела на столе,

Свеча горела (Б.Пастернак «Зимняя ночь»).

Первые строки стихотворения погружают читателя в зимний мир, где безраздельно властвуют снежные хлопья и метель. Беспредельному, холодному, снежному пространству противостоит свеча, где главной идеей произведения является противостояние жизненным бурям внешнего мира. Ее раскрытию служит и кольцевая композиция «Зимней ночи», и эмоциональная окраска произведения. Внешний мир описывается в стихотворении как суетливый, хаотичный, жестокий и бесцветный. В нем легко пропасть, исчезнуть. А та часть мира, где не случайно возникает образ свечи, который утверждает победу жизни и надежды.

Антитеза позволяет автору резче подчеркнуть несовместимость явлений, наличие диаметрально противоположных признаков, качеств,

раскрыть диалектическую противоречивость окружающего. Они служат средством контрастной характеристики явлений действительности, предметов, состояний и т.п. Антонимы в составе простой антитезы относятся большей частью к одному и тому же предмету речи или называют противоположности как составные элементы определенного общего свойства.

Обычно антитезно противопоставленные слова называют противоречивые признаки одного понятия, помещенные в анафоре стихотворения. Такие слова-противопоставления являются центром строфы, например: Он любил три вещи на свете:

За вечерней пенью, белых павлинов

И старые карты Америки.

Не любил, когда плачут дети,

Не любил чая с малиной

И женской истерики. ...

А я была его женой. (А.Ахматова «Он любил»)

Анафора подчеркивает значимость каждого компонента противопоставления, формируя эмоционально-оценочное отношение читателя.

Иногда могут противопоставляться контекстуальные антонимы в эпифоре строфы, поддерживая рифму, например:

Наш век на земле быстротечен

И тесен назначенный круг,

А он неизменен и вечен –

Поэта неведомый друг. (А.Ахматова «Читатель»)

В общем составе используемых поэтами XX века антонимов выделяется большая группа таких, которые служат для контрастного изображения человека с эмоциональной, психологической, нравственной и других сторон.

При этом в семантических структурах лексем, участвующих в антитезе, осуществляется особый механизм взаимодействия сем, который так же, как и в случае контекстуальных синонимов, проистекает в результате парадигматических и синтагматических процессов. Вначале происходит согласование архисем узуально не связанных по значению слов. Тем самым устанавливается единство сущности, являющееся необходимым условием существования антонимов. Одновременно наблюдается противопоставление дифференциальных сем слов, по сути, закрепляющее согласование. При этом, как правило, одна из лексем «подтягивает» к своему значению другой лексемы, которая трансформирует свою семантику. Семы, составляющие в первичном значении этой второй лексемы ядро семантической структуры, смещаются на периферию, однако полностью не нейтрализуются, продолжая оказывать влияние на формирование образа.

Оксюморон - это концентрация того или иного смысла, которая выражает градуированное значение какого-либо признака наивысшей точки:

На протяжении многих зим

Я помню дни солнцеворота,

И каждый был неповторим

И повторялся вновь без счета (Б.Пастернак «Единственные дни»).

Для русского национального самосознания слияние противоположного, свидетельствующее об амбивалентности мира и его восприятия, глубинно, заложено в самой его природе. Иначе говоря, русский менталитет и – как следствие – русский художественный текст изначально имеют оксюморонный характер. В языке поэзии очень продуктивной оказалась модель построения оксюморонного сочетания сем, например, ‘холодный’ + ‘горячий’: снежный огонь (А.Блок); пламя ледяных роз (А.Ахматова).

Явление антонимии лежит в основе оксюморона (от гр. *охúτογον* - остроумно-глупое) - яркого стилистического приема образной речи, состоящего в создании нового понятия соединением контрастных по значению слов, которые используют поэты как средство выразительности:

С наглой скромностью смотрит в глаза (А.Блок «Пляски осенние»);

Смотри, ей весело грустить, такой нарядно обнаженной (А.Ахматова, «Царскосельская статуя»);

Таким образом, лексические антонимы служат основой для реализации двух стилистических фигур (фигур поэтического синтаксиса, приемов) – антитезы и оксюморона. При этом как антитеза, так и оксюморон могут создаваться на базе узуальных и – что более выразительно – контекстуальных антонимов.

ВЫВОД ПО III ГЛАВЕ

В данной главе рассматриваются способы передачи эмоционально-оценочной лексики в текстовом пространстве русской поэзии XX века с помощью метафоры, метонимии, антитезы, оксюморона, синекдохи и лексических антонимов.

В языке поэта они являются одним из средств создания высокого слога и образности произведения. Использование метафоры, метонимии, лексических антонимов в русской поэзии создает возможность построения научной концепции общей образности языка художественного поэтического произведения, что находится в русле современного этапа развития филологии, когда от изучения отдельных элементов языковых уровней осуществляется переход к изучению языка текста в целом. А также определяется еще и их особой значимостью в современной науке междисциплинарных исследований на стыке лингвистики и литературоведения, когда исследование создает единое поле изучения лексики, семантики, поэтики, риторики, стилистики, языка художественной литературы. Такая многоаспектность и комплексность исследования способствует наиболее полному раскрытию оригинальности поэтического текста и специфики метафоры, метонимии и антонимии как основы языковой его образности.

Поэты вносили в свои поэтические произведения множество случаев употребления тропов в новых, необычных для них контекстах, в новых переносных значениях. Указанные слова придают языку поэтического произведения живость, меткость, образность, вызывают особые эмоциональные ассоциации.

Анализ ряда примеров позволил классифицировать метафору в поэзии XX века следующим образом:

1. Лексическая метафора;
2. Простая метафора;
3. Реализованная метафора;

4. Развернутая метафора;
5. Метафора-олицетворение;
6. Метафора – сравнение;
7. Генитивная метафора;
8. Метафора-символ;
9. Метафора-перифраз;
10. Метафора-обращение.

Исходя из вышеуказанной классификации, был определен уровень эмоциональности и оценочности в тропах, где метонимия сочетается с метафорой:

- а) периферия – с преобладанием признака метафоры;
- б) периферия – с преобладанием признаков метонимии;
- в) периферия, в которой наблюдается равенство метафорических и метонимических элементов;
- г) периферия, в которой на перекрестке метафоры и метаморфозы возникает автометафора - метафорическая самоидентификация поэта, проливающая некоторый свет на психологию творчества;

Поэты, добиваясь большей выразительности, прибегают к использованию лексических антонимов, которые, в свою очередь способствуют для реализации двух стилистических фигур – антитезы и оксюморона. Мы часто встречаемся с лексическими антонимами, потерявшими свою устойчивость, в связи с чем, меняется их семантика или обновляется структура. Такие выражения приобретают новое значение.

Исследованная нами группа слов с семантическим компонентом «эмоциональность» и «оценочность» характерна для описания чувств поэта и его героев, а также для описания силы звучания слова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена исследованию эмоционально-оценочной лексики, ее пониманию и функционированию в русской поэзии XX века.

Современное лингвистическое изучение данной лексики представляется плодотворным, так как способствует глубокому пониманию эмоционального состояния автора как ключевого элемента поэтического произведения.

Разноаспектный анализ эмоционально-оценочной лексики позволяют утверждать, что поэтическое слово – одна из ярких особенностей идиолекта художника слова.

Эмоционально-оценочная лексика представляется как результат процесса, связанного с поиском единственного необходимого слова, которое способствует достижению наибольшей изобразительности в пределах поэтического текста.

Установлено, что в рамках русской поэтической речи XX века основные виды эмоционально-оценочной лексики в количественном отношении распределяются следующим образом:

- метафора- 56%;
- метонимия- 24%;
- лексические антонимы- 8%;
- антитеза- 10%;
- оксюморон-7%;
- синекдоха- 5%.

Таким образом, можно утверждать, что самой многообразной и разнообразной областью эмоционально-оценочной лексики являются метафорические конструкции. Данный факт свидетельствует о том, что для автора важен предметный, а точнее природный мир, который в произведениях выходит на первый план, например: *Плющом впилаась, Клещом: вырывают с корнем!* (М.Цветаева «Поэма конца»).

Несмотря на накопленный материал исследования лексики, компонент «эмоциональность» и «оценочность» изучен недостаточно. Анализ имеющихся работ позволяет утверждать, что проблема в меньшей степени разработана с точки зрения специфики поэтической сочетаемости лексических средств, чем сам лексический состав русского языка.

Исследование эмоционально - оценочной лексики позволяет получить сведения о влиянии специфики индивидуальных ассоциативных связей в воображении поэта на процесс его чувствования. Данный аспект исследования характеризуется недостаточной изученностью, так как предметом анализа в нашей работе является преимущественно поэтическая сочетаемость.

Данные, полученные в ходе исследования, позволили нам классифицировать эмоционально-оценочную лексику, встречающуюся в текстовом пространстве русской поэзии XX века, следующим образом:

- положительные;
- отрицательные;
- неопределенные.

Подавляющее большинство составляют группы «положительных» и «отрицательных». Ниже приведены количественные показатели эмотивной лексики:

- удовольствие – 22%;
- радость – 18%;
- отвращение- 10%;
- горе –14%;
- страх – 6%;
- гнев - 9%.

Не менее продуктивными остаются неопределенные эмоции, количество которых в поэтическом тексте XX века составило (18%).

Языковой материал позволяет заключить, что наиболее активными способами передачи «оценочности» и «эмоциональности» являются имена

существительные, данный факт отражает общезыковую тенденцию, причем наиболее продуктивным способом в создании экспрессивной окраски существительных является суффиксация (42% от общего числа эмоционально-оценочной лексики), прилагательных (23%), глаголов (27%). В то же время префиксация, которая является продуктивным способом образования глаголов и именных слов в общем языке, в индивидуально языке поэтов XX века наименее продуктивна (она составила лишь 8% от общего числа эмоционально-оценочной лексики).

Причины, побудившие поэтов к созданию необычных, уникальных и повышенных экспрессивностью произведений, таковы:

- а) необходимость точно передать чувства и выразить мысль;
- б) потребность подчеркнуть свое отношение к предмету речи, событию, дать ему свою характеристику, оценку;
- в) стремление своеобразным обликом слова обратить внимание на его семантику;
- г) необходимостью сохранить ритм, обеспечить рифму, добиться нужной инструментовки.

Опираясь на исследования, мы также выяснили, что:

- основными коннотативными компонентами структуры лексемы являются: эмоциональный, экспрессивный, оценочный и стилистический.
- стилистический компонент в свою очередь подразделяется на нейтральный стилистический компонент, книжный стилистический компонент и разговорный стилистический компонент.

Дальнейшая перспектива исследования эмоциональности может указать на детальное описание арсенала эмоциональных средств каждого уровня языка. В целом в отношении этого вопроса уже ведется серьезная работа. Для этого необходима инвентаризация наиболее типичных случаев реализации контекстуальной эмоциональности. Эта задача выполнима с использованием современных компьютерных технологий. Существуют различные мнения относительно перспектив межуровневого

описания средств эмоционально-оценочной лексики. Многим исследователям оно представляется малоперспективным. Но, тем не менее, следует учесть современную тенденцию к выделению новых исследовательских дисциплин на стыке традиционных наук, а также можно предположить возникновение более широкой, выходящей за пределы межуровневого описания языка, дисциплины - экспрессологии, задачей которой могла бы быть интеграция результатов исследования эмоциональности в языкознании, литературоведении и поэтике, искусствоведении, психолингвистике, психологии, генетике и биологии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативно-правовые документы:

1. Каримов И.А. Гармонично развитое поколение – основа прогресса Узбекистана. -Т.: Шарк, 1997. - 64с.
2. Каримов И.А. Основные принципы общественно-политического и экономического развития Узбекистана. Соб. соч. Т.3.- Т.: Узбекистон, 1996. -370 с.
3. Каримов И.А. Наша цель: свободная и процветающая Родина. Соб. соч. Т. 2. -Т.: Узбекистон, 1996. - 380с.
4. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. // По пути безопасности и стабильного развития. Соб. соч. Т.6. -Т.: Узбекистон, 1998. - 413с.
5. Каримов И.А. На пути духовного возрождения. // По пути безопасности и стабильного развития. Соб. соч. Т.6. -Т.: Узбекистон, 1998. -413 с.
6. Каримов И.А. Выступление на заключительном заседании 155-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО. Соб. соч. Т. 7.-Т.: Узбекистон, 1999. -382 с.
7. Каримов И.А. Узбекистан, устремленный в XXI век. Соб. соч. Т.7. - Т.: Узбекистон, 1999. - 382с.
8. Каримов И.А. Наша высшая цель независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. Доклад на первой сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан второго созыва. Соб. соч. Т.8. - Т.: Узбекистон, 2000. - 528 с.
9. Каримов И.А. Национальная идеология основа будущего. Соб. соч. Т. 8. - Т.: Узбекистон, 2000. - 528с.
10. Правовая основа нашей жизни и прогресса. Выступление Президента Ислама Каримова на торжественном собрании, посвященном десятилетию Конституции Республики Узбекистан// Народное слово, 2002. № 251-252 от 6 декабря.

11. Закон Республики Узбекистан «Об образовании» // Гармонично развитое поколение - основа прогресса Узбекистана. Сб. док. - Т.: Шарк, 1997. С.20-30.

12. Закон Республики Узбекистан «О Национальной программе по подготовке кадров» // Гармонично развитое поколение - основа прогресса Узбекистана: Сб. док. - Т.: Шарк, 1997. - С. 31-61.

Учебники и учебные пособия:

1. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. - М., 1975. - 400с.

2. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю.Д. Апресян. - М.: Наука, 1966. -305с.

3. Вальдман А. В., Козловская М. М., Медведев О. С. Фармакологическая регуляция эмоционального стресса.- М.: Медицина, 1979. – 359с.

4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание /А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 197с.

5. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. Избранные труды. - М., 1980. – 358с.

6. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. - М., 1959. -346с.

7. Выготский Л.С. Мышление и речь /Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 2004. – 280с.

8. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985. – 228с.

9. Вундт В. Физиология языка. - СПб. 1868.

10. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1984. - 502с.

11. Гумбольдт В. Язык и философия культуры.- М.: Прогресс, 1985. - 448с.

12. Гумбольдт В. фон. О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие: Избранные труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 2000. -324 с.
13. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества.: Избранные труды по языкознанию. -М.: Прогресс, 2000-324с.
14. Долинин К.А. Стилистика французского языка : Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. 2-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 1987.– 303с.
15. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. – М.: Политиздат, 1978. – 272с.
- 16.Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. Пер. с англ. / Сост. В.Д. Мазо. М.: КомКнига, 2006. - 248 с. -248с.
17. Жерар Женетт. Фигуры. Том 2. - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 944с.
18. Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. - М., 1960. - 97с.
19. Изард К.Э. Психология эмоций /К.Э. Изард. – СПб., 2007. – 464с.
20. Кассирер Э. Философия символических форм. – М.: Университетская книга, 2002. – 950с.
21. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – М.: Высшая школа, 1989.-216с.
22. Лаптев Б.Л. Николай Иванович Лобачевский. - Казань, 1976. – 136с.
23. Лебединский М.С., Мясищев В.Н. Введение в медицинскую психологию. –М., 1966. -430с.
24. Леонтьев Д.А. Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности. - М.: Смысл, 2003. - 487с.
25. Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики. Учеб. пособие по языкознанию (немецкий язык) / Н.Н. Миронова. – М.: НВИ-Тезаурус, 2007. – 158с.

26. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Александр Афанасьевич Потебня. — Д.Н. Овсяннико-Куликовский. Литературно-критические работы в двух томах. Т. 2. -М., 1989.
27. Постовалова В.И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции Гумбольдта. -М., 1982. -223с.
- 28.Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II. - М., 1977.
29. Потебня А.А. Мысль и язык. - М., 1993. - 157с.
30. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. – Харьков. 1905.
31. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. -М.: Айрис-Пресс, 2002. -448с.
32. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. -М.,1979. - 671с.
33. Современный русский язык: Учебник для ВУЗов. Ред. Д. Э.Розенталя. - М., 1979. – 317с.
34. Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. - М., 1984. -163с.
35. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. Монография. - М.: Наука, 1981. -218с.
36. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М.: Наука, 1986. -143с.
38. Шлейхер А. Компендиум сравнительной грамматики индогерманских языков» (Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen). - Веймар, 1861.
39. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М., 1987. -147с.
40. Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник / В.В. Хализаев. – 3-е изд., испр. доп. – М.: Высшая школа, 2002. – 437с.
41. Харциев В.И. Основы поэтики А.А. Потебни. — «Вопросы теории и психологии творчества». Т. II, вып. 2. -СПб. 1910.

Статьи научных журналов:

1. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. - Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. -189с.
2. Болотнова Н.С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста // Сибирский филологический журнал.2003. № 3–4. –С.198-207.
3. Борисова М.Н., Гуревич К.М., Ольшанникова А.К., Равич-Щербо М.В. Некоторые проблемы психофизиологии индивидуальных / Вопросы психологии. 1976. - №5.
4. Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование. Монография.- Барнаул, 2001. -283с.
5. Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста / Вестник МГУ. Сер.9. Филология, 1997. №3. –С.87-95.
6. Галкина-Федорук Е.И. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е.И. Галкина-Федорук // Сборник статей по языкознанию. - М.:1958. - С.5-7.
7. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. // Новое в лингвистике. Вып.1. -М., 1960. - 369с.
8. Константин Ваншенкин. Перечитывая Твардовского (Короткие заметки), «Новый мир», 1958, № 3, март.
9. Кузнецова Н.Н. Семантические константы произведений В.Ходасевича как отражение языковой картины мира // Языковая личность-текст-дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы международной научной конференции: в 2 ч. – Ч. 2. – Самара: изд-во «Самарский университет», 2006.
10. Кузнецова Н.Н. Выразительные возможности антонимии // Семиозис и культура: философия и феноменология текста: сборник научных статей. – Сыктывкар: Изд-во Коми пединститута, 2009.

11. Кузнецова Н.Н. Синкретизм метафоры и метонимии как средство создания экспрессивности // Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения. II Новиковские чтения: Материалы Международной научной конференции. – М.: Изд-во РУДН, 2009.
12. Лапутина Т.В. Индивидуальная метафора в поэтическом тексте М. Цветаевой. Автореферат.... диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - М., 2011. -23 с.
13. Лотман Ю.М. Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста // Труды по знаковым системам 4.- М., 1969.
14. Лукьянова Н.А. Коммуникативно-семиотическое моделирование социокультурных изменений: диссертация...доктора философских наук. - Великий Новгород, 2009.
15. Лукьянова, Н. Н. Лингвистическая интерпретация текста как способ моделирования фрагмента языковой картины мира (на материале произведений Д. Хармса «Мечь», «Искушение») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Лукьянова. – Барнаул: Миф, 2000. – 269с.
16. Михайловская, В.Н. Эмоциональный компонент лексического значения слова и контекст / В.Н. Михайловская // Теория и методика преподавания германских языков: сб. науч. тр.. – СПб.: Питер, 2002. – С. 42-50.
17. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. –М., 2000. № 4.
18. Молодая филология Узбекистана. Материалы Республиканской научно-теоретической конференции молодых ученых-филологов 25 февраля 2011 г. –Т., 2011. -215с.
19. Морозова Е.А., Цветова Г.А. Развернутая метафора в стихах Вл. Солоухина. // Русская речь. №2. –М.: Наука, 1975, март-апрель.- С.12-17.
20. Николина Н.А. К вопросу о речевых средствах иронической

экспрессии и ее функции в художественном тексте.// Русский язык в школе. №5. –М.: Просвещение, 1979.

21. Сердобинцев Н.Я. Соотношение разговорной и книжной речи, приемы введения элементов разговорной речи в нехудожественные тексты произведений первой половины XVIII века /Н.Я. Сердобинцев. – Пермь: Издательство Пермского государственного университета, 2003. – 169с.

22. Сердобинцев Н.Я. Структура стиля и структура стилистики/Н.Я. Сердобинцев // Основные понятия и категории лингвостилистики: Сб. статей. – Пермь, 2002. – 180с.

23. Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. - Саратов, 2003. -282с.

24. Туницкая М.В. Использование слов с эмоциональной окраской в речевых ситуациях.// Русский язык в национальной школе. №9. –М.: Педагогика, 1989.

25. Уфимцева А.Н. Слово в лексико-семантической системе языка/А.Н. Уфимцева. – М.: 2008. – С. 12-15.

26. Уфимцева Н.В. Сознание, слово, культура /Н.В. Уфимцева // Коммуникативная лингвистика и коммуникативно-деятельностный подход к обучению языкам: Памяти Г.В. Колшанского. – М., 2000. С. 44-54. -250с.

27. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова /В.К. Харченко // Русский язык в школе. – М.: Наука, 2006. - № 3. – С. 67-68.

28. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Волгоград: «Перемена», 1995. – 208с.

29. Шаховский В.И. Типы эмотивной лексики/ В.И. Шаховский // Вопросы языкознания. 2004.- № 1. – С.39-47.

30. Шаховский В.И. Эмотивный код языка и его реализация // Коллект. монография: ред. В.И. Шаховский. – Волгоград, 2003. - 108с.

31. Шаховский В. И. Человек, слушающий в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследования. – Волгоград, 2005.

32. Шаховский В.И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность / В.И. Шаховский. – Волгоград: Волгр. пед. ин-т, 1990. - 167с.

33. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика (перев. И.А. Мельчука) // Структурализм: «за» и «против». - М., 1975. С. 193-230.

Источники фактического материала:

1. Скотов Н.Н. Анна Ахматова. Сочинение в 2-х томах. - М.: Правда, 1990. - 448с.

2. Блок А. Стихотворения и поэмы. – М.: Художественная литература, 1968. -254с.

3. Гриб В. Р. Избранные работы. - М.: Художественная литература, 1956. -350с.

4. Марина Цветаева. Стихотворения и поэмы. - М.: Правда, 1991. -689с.

5. Пастернак Б. Охранная грамота. // Пастернак Б. Воздушные пути. Проза разных лет. - М., 1982. -496с.

6. Симонов К. Собрание сочинений в шести томах. Т.1. -М.: Художественная литература, 1966. -366с.

7. Стихотворения и поэмы. (Борис Пастернак) – Ашхабад: Туркменистан, 1987.-400с.

Словари и справочники:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 3-е изд. – М., 2004.- 571с.

2. Анохин П.К. Эмоции // Большая медицинская энциклопедия . 2 - е изд. Т. 35. – М., 1964. -339с.

3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. - М.: Советская энциклопедия, 1990. -685с.
4. Леонтьев А.Н. Эмоции // Философская энциклопедия: в 5-ти тт. Т. 5. - М., 1970. -556с.
5. Леонтьев А.Я., Судаков К. Я. Эмоции. -БСЭ, Т. 30. -М., 1978.
6. Словарь лингвистических терминов / Под ред. О.С. Ахмановой. – М., 1999. -132с.
7. Словарь русского языка / Составитель С.И. Ожегов. 4-е изд., доп. - М.: Азбуковник, 1997. -944с.
8. Словарь русского языка/ АН СССР, Ин-т рус.яз. / Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4-х т. – М.: Русский язык, 1981-1984. (МАС).-794с.
9. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. - М., 1999.
10. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Ред. В.Н.Ярцева.- М., 1998.- 685с.

Информационные интернет-ресурсы:

- <http://31f.ru/dissertation/619-dissertaciya-izuchenie-emosivnogo-potenciala-cvetooboznachenij.html>
- http://www.phil.pu.ru/depts/02/anglistikaXXI_01/3.htm
- http://revolution.allbest.ru/languages/00190919_2.html
- <http://o-psihologii.info/tradit/vospriatie/1348-mnogogrannost-yemocij.html>
- <http://www.dissercat.com/content/denotatsiya-i-konnotatsiya-v-poeticheskom-diskurse-na-materiale-proizvedenii-klassicheskoi-i>
- <http://www.philology.ru/linguistics2/vinokur-59j.htm>
- http://www.psyarticles.ru/view_post.php?id=93
- http://www.psichology.vuzlib.org/book_o018_page_36.html
- <http://www.dissercat.com/content/metafora-v-poeticheskom-tekste-oe-mandelshstama-na-materiale-sbornika-kamen#ixzz2se60dIZt>

